

18+

ЛЕОНИД ШЕВЫРЁВ

Хлеб из маргариток

Леонид Шевырёв
Хлеб из маргариток

«Издательские решения»

Шевырёв Л.

Хлеб из маргариток / Л. Шевырёв — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-519736-8

Безработный молодой геолог Архип принял предложение из Австралии поработать три года в одном из самых жарких мест Земли — пустыне Симпсона. Он стал тьютором для пяти будущих магистров- аборигенов, в т. ч. Дараны, потомственной «ведьмы» народа Аранта. В центре интриги — загадочная «Рука Бога» из рения, подаренная дедом. Сложные отношения между Архипом, его невестой Алиной, «державшим район» другом Кириллом и Дараной. Магия пустыни.

ISBN 978-5-00-519736-8

© Шевырёв Л.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. «Рука Бога»	6
Глава 2. Золотинка	11
Глава 3. Университет	18
Глава 4. Синие-пресиние раки Ябби	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Хлеб из маргариток

Леонид Шевырëв

Иллюстратор Марина Перепелицына

© Леонид Шевырëв, 2020

© Марина Перепелицына, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-0051-9736-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. «Рука Бога»

Утром четвертого июля 1942 года (День независимости США) за одиноким островком Медвежий в Баренцовом море начинался пир, долгий и свирепый. Одиннадцать субмарин волчьей стаи «Ледяной чёрт» (Eisteufel) адмирала Хуберта Шмундта и туча «хейнкелей» -торпедоносцев принялись за корабли несчастнейшего конвоя PQ-17. Пока Шмундт отсиживался в Нарвике на «Танге», злой дух его трепетал над морскими валами, полными ледяной крошки. В солоноватых пучинах друг за другом скрывались «Эмпайр Байрон». «Карлтон». «Кристофер Ньюпорт». «Панкрафт», «Александр Купер», «Эрлстон»... Двадцать три английских, американских, панамских корабля из тридцати шести, что везли в Архангельск сотни лендлизовских самолетов и танков. Хватило бы армии в пятьдесят пять тысяч штыков.

Танкер «Донбасс» с десятью тысячами тонн льняного масла пока держался. Рядом уходил на дно «американец» «Даниэл Морган», добыча «волчьей» субмарины U-88. Людей еще можно было спасти, если сбросить ход. Море и небо были во власти «ледяных чертей», оставившись опасно, но капитан Михаил Иванович Павлов рискнул. Когда полсотни американцев разместились на палубе, вахтенный сигнальщик Степан заметил человека на бревне, качавшемся на волнах. Он вроде бы шевелился, но на помощь не звал.

Матрос указал на него артиллеристам 76-миллиметрового орудия. Те отмахнулись. Два «Не-111» как раз неслись над гребнями волн к левому борту. Другая пара нацелилась на корму. Приходилось реагировать. Степан все же смог привлечь внимание боцмана, указав на тонущего. Тот взгляделся.

– Ещё союзничек! Тудыть твою мать!

Отмахнулся.

– Как его снимать? Не повезло парню.

Степан указал на болтавшиеся на тросах три шлюпки с «Моргана». Поднять их на борт не успели.

– Ну, пробуй, Стёп, – нехотя разрешил боцман, следивший за очередной пенной полосой, мчавшейся к танкеру. Торпеда прошла мимо. Капитан Павлов успел отвернуть.

Степан сбросил с борта трап в шлюпку. Весло в уключине было. Единственное. Пришлось грести стоя, наподобие венецианского гондольера, под острым углом к волне. Хорошо, что не очень далеко.

– Влезай! Руку давай!

Человек не отозвался. Без сознания. Затащить его в шлюпку непросто, но Степан смог. Боцман все видел. Хват-тали держал наготове. Поднял обоих в люльку. «Союзника» уложили на палубе. Заниматься им некогда. Второй сбитый «Донбассом» «хейнкель» уходил в воды, все в бурунчиках от снарядных осколков и пулёметных очередей. Не повезло в этот раз лейтенанту люфтваффе Хеннеману.

Когда налет закончился, а от «волчьей стаи» оторвались, Степан разглядел спасенного. Очень смуглый некрупный мужичок. Не африканец. Индус, из Калькутты. Зовут Сварнава Чакраборти Сарасвати (Swarnava Chakraborty Saraswati). Вольнонаёмный механик «Даниэла Моргана». Из машинного отделения выбраться припоздал. Шлюпки с экипажем отвалили. Когда понял, что корабль гибнет, бросил вниз кусок деревянной обшивки и прыгнул вслед. Отгреб доской от воронки, в которую уходил «Морган». Потерял сознание.

Когда пришли в Архангельск, Сварнава на прощанье подошел к своему спасителю Степану и повесил тому на шею маленький странный предмет на тонкой цепочке.

– «Palm of God», – сказал. – This Bengali mascot will save you as saved me. Keep it safe. In any case, do not sell («Ладонь Бога». Этот бенгальский талисман спасет тебя, как спас меня. Береги его. Ни в коем случае не продавай).

Перевел Степану капитан Михаил Иванович.

Моряк потом рассмотрел подарок. Амулет выглядел как маленькая раскрытая ладонь. Указательный палец и мизинец неестественно отставлены от средних пальцев. Посредине – изображение рыбы. Станный металл. Серебристый, только, кажется, не серебро. Проверил магнитом. Не железо. Тяжёлый, хоть и небольшой. В морской воде, сыром воздухе ржавчиной не задет. С чего бы так?

Девяностые годы, время победившей хуцпы (сверхнаглости), пулеметной пургой гуляли по российским просторам, выкашивая бывших советских людей. Двадцать миллионов погибших от паленой водки, краха жизненного уклада, бедности. Миллионы не родившихся мальчиков и девочек. Невесть откуда взявшиеся в стране наркомания, педофилия, СПИД. С улиц исчезли красивые женщины. Вечерами не встречались гуляющие парочки. Только гопники «с района». Дети перестали улыбаться незнакомым. А в СССР улыбались. Было безопасно.

Подлые годы подарили стране сотню долларовых миллиардеров, множество войн и войнушек на просторах бывшей сверхдержавы. Люди хуцпы обустроивали свои сказочные миры вдали от родных берегов. Только самая низкая категория носила демаскирующие малиновые пиджаки и золотые цепи. Те, кто повыше, такого себе не позволяли.

Алексей, отец Архипа, был человеком лёгким на подъём. В советское время тоже нечасто бывал дома. В Иркутской области шишковал. Орешки кедровой сосны пользовались спросом. Не пропускал сахалинские и камчатские путины. Когда начались вооруженные конфликты на бывшем советском пространстве, всюду побывал. Казацкая кровь покоя не давала. Осенью восемьдесят девятого года помог южным осетинам прервать поход на Цхинвал грузинского «золотого мальчика» Звиада Гамсахурдиа. Этот мастер грузинского слова «с пленительными глазами газели», как характеризовали его местные газеты, возбуждал на митингах Тбилискую толпу. Гремел в мегафоне прекрасный взволнованный голос: «Мы им свернем шею, тем более что таких слабых противников, как осетины, нетрудно обуздать... Осетинский народ – мусор, который надо вымести через Рокский тоннель!» Люди с удовольствием разбирали автоматы, что грузовиками свозили на площадь перед парламентом. Толпа, вооружившись, сходила в Южную Осетию, до нее недалеко. Вскоре, встретив там... возражения (даже один пулеметчик в скалах это уже нечто, а он был не один), заметно поредевшая, побросала «калаши» и разошлась по саклям.

В октябре девяностого года Лёша защищал гагаузов. В СССР ту Гагаузию знали больше по популярной марке вина да посвященной ему же поговорке («Денег нет, продам пиджак, но всё равно куплю «Буджак»). Молдаване тогда решили увести бывшую союзную республику в Румынию со всеми её народами (даже французские и болгарские сѐла были). Там бы с ними в спокойной обстановке разобрались. Большинству туда было не надо. Очередной облом случился у Великой Румынии. Помните при встрече с румынскими пограничниками Остап Сулейман Ибрагим Берта Мария Бендер-бей кричал: «Trăiască România mare»? Великий комбинатор о Великой идее уже тогда был наслышан.

В девяносто втором году Лёша защищал Приднестровье. Лозунги у молдавских лидеров выкристаллизовались к тому времени демократические и общечеловеческие. «Русских – за Днестр, евреев – в Днестр!». «Молдавия – для молдаван», «Чемодан – вокзал – Россия» (пожелание русским), Встречался с Президентом Приднестровья Игорем Смирновым и генералом Александром Ивановичем Лебедем, командующим 14-й Гвардейской армией. Почетную грамоту за ранение получил. Мирча Иванович Снегур, первый президент Молдовы (сентябрь девяностого – январь девяносто седьмого), как и его коллеги на Украине и в Грузии, хорошо понимал только физическое воздействие. Не аргументы. Александр Иванович для того, чтобы прекратить войнушку, выбрал высоко ценимые Мирчей Ивановичем базы отдыха молдавских воинов (Слободзея, Гербовецкий лес, Голерканы), а для большей убедительно-

сти, – три склада ГСМ, три молдавских батареи и командный пункт. Под утро третьего июля 1992 года с этими объектами сорок пять минут общались восемь артдивизионов и шесть минометных батарей Четырнадцатой армии. Разбежавшиеся молдавские воины соглашались выходить из кустов только к машинам скорой помощи. Потому, что Александр Иванович, человек слова, гарантировал: в них хорошо, сухо и безопасно. Двое суток воинов по кустам собирали все «Ambulanta» Молдовы, командированные в зону конфликта. Что делать, таковы нынче потомки славного господаря Дмитрия Кантемира, соратника Петра Первого. Мельчает народ.

А где в тот день оказался Мирча Иванович? В Москве. Подобреший, сговорчивый. Понятливый человек. На следующий день молдавская армия, догадавшись о вероятной судьбе, сама умоляла о перемирии.

Минуло нескольких месяцев, и Алёша в сентябре девяносто третьего с Муаедом Шорывым и кабардинцами штурмовал здание Совмина в Сухуми. Войну в Стране Души (Апсны, так абхазы зовут Родину) чуть не завершил пленением «серебряного лиса»: грузинский президент Шеварднадзе, сменивший Гамсахурдиа, еле ушел вскачь на последнем вертолёте.

Страна Души спасена! В праздничном футболе грузинскими головами Алексей, однако, участия не принял. От предложенных тринадцати граммов золотых коронок из грузинских ртов отказался. Такое – не к лицу русскому казаку.

А в России творились чудеса. В девяносто третьем депутатом Думы от Жириновского стал гипнотизёр Кашпировский. Чумак, заряжавший воду по телевизору, коллегу не уважал. И не зря. В девяносто пятом Кашпировский в составе делегации Госдумы безуспешно гипнотизировал басаевцев в Буденновске.

Война в Боснии и Герцоговине к тому времени давно шла. Длилась долго, до конца девяносто пятого. Больше двух лет Алексей с сербскими ребятами осаждал мусульманский Сараево. В прицеле снайперки жители, как на ладони. Женщины это знали. Выходить из дома им приходилось из-за детей, некуда деваться. Перед каждым таким опасным приключением прихорашивались, старались улыбаться. Все без хиджабов. Чтобы снайпер, разглядев в прицел, пожалел и не стрелял. Много было красавиц. Алексей ими любовался. Естественно, на курок не нажимал. Не к лицу казаку девчонок пугать.

А над городом плывут облака, закрывая небесный свет.

А над городом – желтый дым, городу две тысячи лет...

(В. Цой)

Алексей мог лежать в засаде, почти без движения, до суток кряду. Помогала статическая гимнастика: попеременно напрягал, ослаблял мышцы сначала ног, потом туловища, шеи, лица. Ушами шевелить выучился. Не у всех получается. Да уж, стратегия войны это бесконечный путь хитрости, говорили китайцы, не вполне удачливые в военном деле. Сунь Цзы пришел первым к такому выводу в трактате «Искусство войны» двадцать пять веков назад.

Однажды изумился, обнаружив лес грибов-навозников, нечувствительно выросший за ночь вокруг его снайперской лежки. Вспомнил, вечером шел мелкий дождик, было особенно тепло. У сизых грибков остроконечные шляпки. Довольно крупные ножки, сантиметров по десять. Съедобные, даже вкусные. Коварные. В них коприн, закусывать спиртное нельзя. Заболит живот, голова закружится. А вина в Боснии чудесные. Рубиновая «блатинка». «Жилавка» – соломенных оттенков. Таких больше в мире нет. Только снайперу пить не стоит. Он и не пьёт, блюдет твердость руки и зоркость глаза.

Маскировка получилась идеальной, «охота» – удачной. Достал старшего офицера, приближенного к командиру мусульманского корпуса Мустафе Хайрулаховичу. Это «им» кара за сербское село Подрованье у Сребреницы, нацело вырезанное мусульманской дивизией Насера Орича. В тот день артоналет по сербам (на армейском сленге, «дискотека») был мощным.

Прилетели сотни «пряников», «аргументов», «сюрпризов» (снаряды, мины разных калибров), много «пакетов гвоздей» (ракеты РСЗО).

В Сараево для православных два концлагеря: «Виктор Бубань» и «Силос». Первый – в бывшей солдатской казарме, второй – на свежем воздухе. При попытке освободить узников «Силоса» русский доброволец Алексей погиб. Разрывная пуля снесла полчерепа. Оттого в войне на Донбассе участия не принял. Ну, зачем было снайперу проситься в рискованный налет? Никто не заставлял. Пусть земля ему будет пухом. Он всегда был на правильной стороне Жизни. Не нам его судить.

*Война – дело молодых, лекарство против морицин.
Красная, красная кровь – через час уже просто земля.
Через два на ней цветы и трава, через три она снова жива.
И согрета лучами Звезды по имени Солнце*

(В. Цой)

Архип отца почти не видел. Мальчик общался с дедушкой Степаном, старым и еще крепким военным моряком. Мать его, свою дочку Ольгу, тот не одобрял. Полагал, если пообещали мужчина и женщина вместе жизнь прожить, надо слово держать. Каждый новый опыт будет только хуже. Дочка, естественно, не послушалась. Женские годы короткие. Терять их она не намерена. Развелась в девяносто втором с тогда еще живым мужем Алексеем, путешественником и воином. Увела Архипа к Василию Геннадиевичу, с которым подруга познакомилась. Отцовский дом на Базарной Горе сменила на хрущобу возле главного корпуса Университета. Новый друг там числился снабженцем. Сама работала кастеляншей в парикмахерской поблизости. Выдавала мастерам простыни. Отвечала за одеколоны и лосьоны. Их же немножечко и приватизировала. Дома появились сами собой одиннадцать простыней. Шестнадцать парикмахерских халатов.

Бедная жизнь глубинных людей.

Базарная Гора, улочка извилистая, как ручеёк, стекала с высокого песчаного плато, на котором расположился Город, от Университета к Большому Стрелецкому логу. Дом Архипова дедушки невелик да крепок. Здесь и прадеды жили, о чем сообщала табличка под домовым номером с именами первых хозяев Фёдора и Григория. После войны дед Степан Фёдорович его своими руками восстановил. Тогда и старинную домовую табличку нашел. Даже фундамент был взорван, не одни стены. Тщательно, методично работали зондеркоманды, когда Город целёхоньким и без штурма достался врагу. Вот скажите, что за черви в западной душе? Тратить силы и средства без всякой военной выгоды исключительно, чтобы нагадить. Эшелонов взрывчатки не пожалели. А говорят, немцы экономные, бережливые, расчетливые. В чем тут прибыль, одни расходы. И кому мстили? Жителей, кого нашли, свели в Песчаный лог и расстреляли. Ну, не права ли сербская рэп-группа «Beogradski sindikat»: «Живот се рађа на Истоку, смрт долази са запада» («Жизнь рождается на Востоке, смерть приходит с Запада»)? Впрочем, у Ф. И. Тютчева припечатано задолго до «Синдиката»:

*Из переполненной Господним гневом чаши
Кровь льется через край, и Запад тонет в ней —
Кровь хлынет и на вас, друзья и братья наши —
Славянский мир, сомкнись тесней*

(Два единства)

Закончил Степан Фёдорович строительство году так к восемьдесят третьему, когда Архипу шел шестой годик. Долго, конечно, но больно уклон улицы велик. Пришлось против

оползней воздвигать защитные стены с контрфорсами. Материалов нужно было много, а в свободной продаже и кирпичика не найти. Собирал щебень и каменные блоки по развалинам и лесополосам. А когда всё получилось, неугомонный бывший моряк не остановился. Решил превратить в сад примыкавшую часть заваленного мусором склона. Земли привёз. Каждый день после работы на шинном заводе впрягался в грабарку, завозил чернозём. И вот день настал! Крохотная, четыре на пять метров, ровная площадка создана. Три яблоньки куплены. Трогательные весенние саженцы, на каждом по пятнадцать проклюнувшихся почек. Шестилетний Архип в посадке участвовал изо всех сил. Выбрасывал из ямок землю руками, не лопаточкой. Так лучше выходило. Сыпал в чернозём печную древесную золу, яичную скорлупу. Дед сказал, деревья всё оценят. Воду подносил.

– Ну вот, Архипушка, – сказал дед однажды внучку, улыбаясь. – Когда деревья вырастут, а я уйду на небо, будем мы с тобой под яблоньками встречаться. Будешь мне рассказывать как у тебя дела. Может, помогу чем.

– Зачем ты, дедушка, уйдешь? И как же тогда наш сад?

– Ну, Архипушка, закон такой. Все деды обязательно уходят. Чтобы внучкам была возможность себя показать.

И в самом деле ушел, когда стройку закончил. Дом на Базарной Горе опустел.

Глава 2. Золотинка

В подвал под Университетом Архип и Кирилл пробрались под вечер, отогнув лист железа, что прибит поверх оконной рамы. Было страшновато, но интересно. Ребята двигались тихо, как мышки, в полутьме между столами, заставленными приборами. Среди них угадывались микроскопы, бинокляры, проекторы, все в душной толстой пыли. Выделялся телескоп на высоком штативе. Много очень старой техники, которой больше в офисах не найти: копировальных и чертёжных столов, архаичных агрегатов для синькования (в старину так получали копии чертежей), пантографов.

Ребята старались не шуметь, но то и дело натыкались на куски стекла, лежащие на полу, болты и хрустящие пластиковые детальки.

Свет проникал только через отогнутый ими уголок подвального окна. Глаза постепенно привыкали к полумраку. Обстановка прояснялась.

Кирилл выкручивал из приборов линзы, цветные лампочки, стёклышки. Наполнял карманы блестящими колесиками, отвечавшими за настройку приборов. Много чего наскрёб. Архип как встал у большого красивого оптического микроскопа, так и стоял, им любуясь. Когда Кирилл попытался и из него выкрутить окуляр с объективом, не позволил.

– Надо смываться, – прочёл он по губам приятеля. Тот двинулся к окну, сильно раздувшись от добычи. Чего только не было у него в карманах и за пазухой. Архип с микроскопом двинулся следом.

– Ты что! – прошептал Кирилл. – Оставь! На улице увидят и загребут.

Архип не согласился. Перед тем как протиснуться в лаз, снял рубашку, завернул прибор. Выбравшись наружу и, оглядевшись, парни быстрыми шагами отправились к дому. Встречные смотрели вслед. Больно не по погоде одет один паренёк и отчего так раздулся второй.

Архип маленький, тонкошейй. Детские веснушки с носа не сошли. Волосы каштановые, густые. Уши вот, очень... заметные. Оттого, видно, и слух прекрасный, шевеление сверчка за сервантом расслышит. Грустный мальчик с внимательным взглядом.

Архип

Кирилл куда шире, основательней, в себе очень уверенный. Шевелюра роскошная. Голос уже почти командирский, зычный, иногда даже с раскатами. Обоим по пятнадцать. Дом их – классическая «хрущоба», пятиэтажка рядом с Университетом. Живут друзья в разных подъездах. Архипа никто в квартире не встретил, и он благополучно прошёл к себе в чуланчик. Там у него были лежак, устроенный на старом комодѐ, и совсем маленький столик. Больше места не было. Ноги деть некуда. Свет был. Ощущение независимости тоже. Парень водрузил микроскоп на стол, включил подсветку. Все работало! Колѐсико настройки не вполне ходило вверх-вниз по штативу. Парень сходил в ванную за маминым тональным кремом и смазал. Получилось хорошо. Теперь проблема – что бы такое рассмотреть?

Архип вышел во двор, огляделся. Сарайчики и кусты. Щербатый асфальт. Ключки бурьяна из-под железных гаражей. А вот и детская песочница. Парень набрал щепотку мелкого песка, сухого, жѐлтого, в следах маленьких ножек и признаках кошачьего присутствия. В чуланчике положил песчинки на предметное стекло, включил подсветку снизу. Теперь можно заглянуть в объектив.

Перед его взором предстал невиданный прекрасный мир песчинок, прозрачных и матовых, светившихся разными цветами при малейшем касании маминой цыганской иглы. Архип увеличил резкость до максимума и зачарованно рассматривал то округлые, то плоские, а то в углах и сколах эти прекрасные создания природы. Цветные, яркие, праздничные, они несказанно контрастировали с окружающей серостью – стенами и крышей облезлой хрущобы, грязного подъезда, замусоренного двора. Серой квартирке, где даже косметического ремонта сто лет не было.

Однако главное открытие ещё поджидало. Перебрав иглой тысячу или две бесцветных кварцевых зѐрен, он наткнулся на одно совершенно особенное. Жѐлтая яркая лепѐшечка, в ямках и бугорках. Несомненно, металл. Золото?

Существуют тысячи способов, чтобы в этом убедиться. Однако кислоты и металлодетекторы Архипу не доступны. Есть множество похожих на золото минералов, например, серный колчедан. Однако парень догадался: золото это металл, значит пластичное и ковкое. Прочие минералы хрупкие. Ковкое ли его зѐрнышко? Чтобы это установить, надо быть осторожным. Архип нашѐл в маминой комнате самую тонкую иглу и, затаив дыхание, придавил золотинку сверху. У него получилось. Зѐрнышко раздалось в сторону, а в его центре возникла глубокая ямка. Золото из детской песочницы!

Архип засмеялся и позвонил однокласснице. Та сказала, что подойдѐт.

Хлопнула входная дверь. Нет, не Алина. Пришѐл отчим Василий Геннадиевич. Он работал в отделе снабжения Университета. Раздражѐнно заговорил с мамой. Парень прислушался. Кажется у дяди Васи неприятности на работе. Архип слушал. Отчим говорил матери, что кто-то вскрыл со стороны улицы подвальное помещение. Туда при ремонте лабораторий перенесли оборудование. Приборы крепко обобрали. Милиция этим займѐтся, а у него поручение: найти способ их восстановить. Будто и так дел не выше головы! И будто за такие копейки можно безразмерно наваливать работу. Архип понял, их с Кириллом подвиги замечены. Что-то больно быстро.

Подошла Алинка. Парень показал ей золотинку. Алина девушка простая, с золотом мало знакомая. Чистый яркий отблеск от маленького кусочка еѐ поразил. Всѐ бы ничего, да дядя Вася, продолжавший жаловаться на жизнь, сподобился-таки заглянуть в Архипов чуланчик. Увидев микроскоп, сделал страшные глаза.

– Откуда у тебя бинокляр?

Не спросил, скорее, зашипел. Схватил прибор, заглянул на станину снизу. Там был университетский инвентарный номер.

– Мать, – позвал он, вынимая из джинсов ремень, – ты только взгляни! Вот и тайна раскрылась.

Появилась мама, нездоровая, истеричная. Друга-тирана она побаивалась, но за него держалась. Алинка сжалась. Вечер испорчен.

– Иди, Алин, – шепнул парень, – сейчас что будет!

– С кем лазил в подвал? – возопил дядя Вася, нанося первый удар ремнём. – Небось, с Кириллом?

Архип молчал, прикрывая голову руками. Мама дяде Вася тоже помогла, хлестнула сына пару раз бельевой верёвкой. Вскоре она его уже жалела, сильно отгесняла дядю Васю из чулана.

Быть побитым при девушке для парня печально. Сконфуженный Архип проводил Алину до двери подъезда. Не успел вернуться, мимо пролетел дядя Вася с пластиковым мешком и скрылся. Вернувшийся в чуланчик Архип понял, что злодей унёс микроскоп. Потом выяснилось, утопил в выгребной яме. И золотишка пропала. Из поля зрения бинокля, но не из Архиповой души.

Кирилл был благодарен другу за то, что тот, хотя и был крепко поколочен, его не выдал.

Алинка да эта вот золотишка и были единственными яркими и добрыми вспышками из не очень удачной юности. Детская золотишка подтолкнула к выбору дела жизни. Вот и у Павла Петровича Бажова в «Уральских сказах»: «Его, надо думать, каменная сила захватила. Она, известно, кого краешком зацепит, того не выпустит. Нашел один камешок, стал другой искать, а там третий где-то близко. Его найти непременно надо. Так и пошло».

В свирепые девяностые народ выл от тоски. Над загородными дачами сияние – лопаты блестели на солнце. Кто мог, пристраивал потомков в вузы на экономистов и юристов. Анекдотик тех времен:

– Мам, я поступил в ФИГНЮ!

– Я так и знала! Куда ты еще мог поступить!

– В Федеральный институт государственно-нормативной юриспруденции!

Ныне человеку мало родиться, надо ещё как-то активизироваться. А как? Над инженерами открыто смеялись. Однако от такого глумления был и плюс: полное отсутствие конкурса на технические специальности. Золотишка подсказала: иди в геологи.

– В геолухи? – визжал дядя Вася. – В грузчики иди! На стройку!

Архип туда примерно и пошел, однако, в бакалавриат по геологической специальности поступил. Благо, недобор был. Без той золотишки не знал бы, куда податься. Днём был занят – развозил на хозяйских «жигулях» по ларькам «Олимпиака» жвачку и кока-колу, вечером почитывал. «Занимательную геологию» Обручева, «Путешествия за камнем» Ферсмана, потом и учебники. Молодёжь вокруг зубрила английский. У Архипа голова небольшая, но... ёмкая. Тоже осваивал. Основа образования и есть самообразование. Так вроде?

Кириллу того не надо. Ходил в малиновом пиджаке. На шее носил массивную цепь, говорил, золотую. За здоровье и трезвость стал близок к боссу, «державшему» округу. Иногда с Архипом пересекались. Архип затаскивал в очередной ларёк ящички с «фантой», а Кирилл монетизировал крышевание, пересчитывал «взнос» от продавца. Как тогда шутили:

– Под каким знаком вы родились?

– Я родился под знаком «Уступи дорогу»!

Однажды Архип его спросил, куда он дел «те» линзочки и винтики от приборов, что полные карманы набрал в университетском подвале. Кирилл засмеялся, скрывать не стал.

– Теперь можно сказать. Время прошло. Продал твоему отчиму Василию Геннадиевичу. Он у тебя ловкий. Составил смету на восстановление аппаратуры к учебному году, и – с ректора хорошо сгрёб. Договорняк, сам понимаешь... Будто все на черном рынке нашел. Хорошо получилось.

Архип теперь понял, отчего дома репрессии за бинокляр прекратились.

Кирилл похвалил:

– Молодец, Архип. Не выдал. За мной не пропадѐт.

Преподаватели в Университете знаний не спрашивали. Эти растерянные люди с копеечными зарплатами боялись потерять и те крохи, что имели. Их научные звания и степени обесценились. Каждый желающий мог за бабки прикупить любой диплом с правильными ВАКовскими печатями. Особенно это полюбилось тем, кто лез в политику. Весомо ведь, если выступавшего проименуют профессором и доктором каких-нибудь наук.

Ставки преподавателей напрямую связаны с числом обучаемых. Меньше студентов, меньше денег. Как при такой системе изгонять нерадивых и просто наглецов? Сохраняли всех. Между тем, кое-какие проблески в русской жизни появлялись. В Университете возникли первые компьютеры, первоначально у физиков и математиков. К тем ребятам можно было подойти, приглядеться к странным, всё время «зависавшим» штуковинам.

В девяносто четвертом в Городе Архипу часто попадался Лёня Голубков. Не в телевизоре, вживую. Иногда этот «не халявщик, а партнѐр» проезжал с братом Иваном по Пропспекту на экскаваторе с рекламой «МММ». Брат классно перебирал рычаги. Был в телевизоре и дядечка в очках. «Телемаркет» рекламировал. «Допустим, вам нужно купить или продать крупную партию товара. Конечно, можно самому искать клиентов, а можно (щелчок по клавише) и – «Телемаркет!». Он и потом был на экране каждую неделю. Вѐл самодельную хреновинку «Сам себе режиссѐр». Если звук отключить, хорошо слышится, что тоже про «Телемаркет».

Тѐтеньки с «Герболайфом»! Значки с призывом «Loose weight now». Не тѐтеньки, объедение.

Офицер, покупающий билеты очередной пирамиды. Ему пирамидальные красавицы:

– Вам какой процент, большой или маленький? А чай вам какой, цейлонский или красnodарский?

Офицер, вместо того, чтобы потребовать проценты максимальные, изрекал:

– Не большие и не маленькие! А чай – хороший красnodарский!

Патриот, значит.

Отец и сын рыбу ловят. Удочками. Сын мечтательно:

– А хорошо!

Отец:

– А что, сынок, хорошо?

– Да вот мы здесь, а денежки идут!

Оба спохватываются, достают калькуляторы и что-то прикидывают, отвернувшись друг от друга. Ну да, накопившиеся легкие проценты. Святое время! Казалось, что свобода и достаток на подходе. Романтический миг самого раннего капитализма, когда не понимали, что из забавного лелеемого всеми капиталистического щеночка вскоре вымахает кошмарная зверюга. Тиранозаврус рекс.

Однажды к экскаватору Ивана подошел отчим Василий Геннадиевич. Лёня Голубков выбрался из кабины навстречу. Оба привели на скамеечку. Лёня слушал, дядя Вася говорил и всё показывал вдаль. И что вдали такое интересное? Тут Лёня захохотал и хлопнул дядю Васю по коленке. Поладили, выходит. Заулыбался и Иван из кабины. Вот он и сам сполз к собеседникам, бережно придерживая пару пивных бутылок.

Сделку обмывают, догадался Архип.

Апрель девяносто четвертого. «МММ» парил не только над Россией. У древних укров гремел шумерский слоган от Гильгамеша: «Ми Маѐмо Мету (МММ)»! («Мы имеем цель»). Пальчики братьев Сергея и Вячеслава Пантелеймоновичей Мавроди, Ольги Мельниковой, первой жены Вячеслава, брезгливо копошились в тощих кошельках лохов. Не ведали новых

государственных границ. Что общего у захудалого дяди Васи и могущественных телелюдей? Удивительная правда открылась не сразу. Вечером мама призналась: дядя Вася совершил замечательную операцию. Продал дедов дом на Базарной Горе. Его стоимость семья получит билетами МММ. Не простыми, привилегированными. Знает ли сынок, что за год те подорожали в сто двадцать семь раз? Через год-другой, они станут состоятельными. Миллионерами. Миллиардерами. Маме станет не нужна её парикмахерская, отчиму – отдел снабжения. Они заведут особняк. Крутую машину. Всё будет!

– Продала дом деда? – ахнул Архип. И заплакал.

Мама погладила его по голове.

– Глупенький! Ну что ты. Мы в дедовом доме не живём. За ним не следим. А с нас ещё и дерут. За вывоз мусора, водопровод, газ, уличное освещение...

– А дедов сад?

– Ну, какой у деда сад? Три яблони? Кому они нужны.

Архип рыдал. В семнадцать лет мужчине не грех всплакнуть. Хороший признак того, что душа не ожесточилась.

– Ты на отчима сердишься, а он на самого Лёню Голубкова вышел. Вся страна Лёню знает. Он твёрдо обещал. Такие люди не врут.

Дедов дом купил олигарх из Молдавии. По России вином торгует. В Городе магазин на Мира открыл. Есть бизнес, надо где-то жить. Дедов дом новый хозяин назвал «полным отстоем». Вместо него будет особнячок. Тянуть со стройкой бизнесмену негоже. Оформил, расплатился. Лёня Голубков, душа-человек, маме Архипа билеты МММ принёс. Гору!

– Хочешь глянуть?

Архип отказался. Под утро, темень ещё, был на Базарной Горе. Издали разглядел знакомый экскаватор и Ивана Голубкова рядом. Дедов забор сломан. Парень пробрался во двор. Яблоньки пока целы. Под дальним деревом кто-то на чурбачке. В капюшоне.

– Деда... – прошептал парень.

Человек повернулся. Капюшон откинут. Он!

Архип рванулся к дедушке, прижался, зарыдал.

– Ну что ты, Архипушка, – сказал старый моряк, ласково шевеля Архиповы лохмы. – Ну что ты! Я же говорил, всегда буду с тобой. Придёшь к яблонькам, и я беспременно найдусь!

– Не будет наших яблонек, – рыдал Архип.

– Да, Ольга не права, – грустно сказал дед. – Что теперь делать. Ты молодой, еще много чего на земле посадишь.

Они сидели и молчали. Вдруг старик хлопнул себя по лбу.

– Да вот же, внучек, у меня какая штуковина для тебя есть. А я и забыл...

Он снял с себя цепочку и надел на шею Архипу. На цепочке болталась маленькая раскрытая ладонь из серебристого металла, вроде бы человеческая. Со странно расставленными крайними пальцами.

Архипова «рука Бога»

– Это тебе, Малыш! Индус говорил, всегда поможет. Мне, кажется, помог.

Архип рассматривал подарок.

– И как, деда, помог?

Дед вздохнул.

– «Z-27». Немецкий эсминец. Он мой «Донбасс» долбил десятью торпедами. Не считая снарядов и пуль. Там же, у Медвежьего острова, где я индуса спас. Рейс был другой, последний. Сорок восемь наших полегло. Я с капитаном Виталием Эмильевичем Цильке в плен попал. В Норвегии в лагере сидел, в Алте. Потом – Штуттгоф. Это Польша. И выжил. Не знаю, может, благодаря «ладони». А стольким там не повезло! Бери, Малыш. И тебе поможет.

Парень побрёл домой. Громкий хлопок за спиной. Оглянулся. Над Базарной Горой пыльная завеса. Рванул назад. И что увидел? Перед дедовым домом громоздились остатки экскаватора Ивана Голубкова. Стрела погнута. Ковш унесло. Лёня Голубков причитал над братом, пытаясь влить ему в рот из бутылки. Естественно, пиво. Иван мычал, вращал глазами и грозил брату увесистым рабочим кулаком. Сказали, на снаряд времен ВОВ наткнулись. Не повезло. Приезжие взрывотехники предупредили: территорию закрывают. На детальное обследование. На какой срок? А как пойдет. Может, на месяц, может, на годы. Виноторговец из Молдавии расстроен. Архип понял, яблоньки уцелели. Вспомнил о «ладони Бога». Погладил с уважением. Потом был странноватый разговор с Кириллом. Тот спросил:

– Кирилл, ты у нас книгочей, книгознат и книгожуй. Шефу интересно, почему Женёк Онегин замочил того фраерка, помнишь, у Чехова, Вована Ленского?

Архип удивлён. Поправлять не стал.

– Ну, так! Тот Татьяне в дружбе отказал, за Ольгой, подругой Ленского, приударил. При всех, на балу. Только чтобы позлить. Убивать Ленского не хотел. Вызвал стреляться не он. А не пойти на дуэль, ославят как труса.

– Во! Это Фантомас поймёт. Для него честь наиважняк.

– Чего это Фантомаса Онегин заинтересовал?

– Да баба у него новая, из филармонии. На корыте со струнами играет. Арфой зовётся. На «Евгения Онегина» в оперу его ведёт. Вот он и попросил у тебя узнать, в чем у Чехова в той комедии суть. «Мы Архипу пособили, пусть и он нам. В ответку».

Архип засмеялся.

– А в чем пособили?

Кирилл удивленно уставился на друга.

– Серьёзно не просёк? А экскаватор Ивана Голубкова? Кто мне жаловался, что отчим дедов дом загнал за билеты МММ? Я сказал Фантомасу. Тот вытащил из-под кровати старую

немецкую минометную мину. Пальчиковую. Пустой корпус. Ребята снарядили. Я припёр эту штуку к тебе на Базарную Гору. До того как Ваня Голубков на экскаваторе приехал. Зарыл у забора. Как экскаватор засуетился, тут же бабахнуло и – нет ковша!

Вот оно что. Архип инстинктивно потрогал «руку Бога». А он-то часом думал... Кирилл взгляделся.

– Что у тебя за хрень на шее? Усёк! Позорная «фатимка», она же «хамса». Пять копеек в базарный день. Такую ни один нормальный пацан не наденет. Амулет для лохов, Я тебе, хошь, на день рождения золотую цепь подарю?

Архип помотал головой.

– Вот скажи, кто ты мне такой, по жизни, в натуре? Мой дружбан! Если будешь носить, подарю! А эту хрень выкинь.

– Не надо. Это память. О дедушке. Ты вправду думаешь, «Онегина» Чехов написал?

– Да ну! Прикололся, конечно. Все знают, что автор Верещагин.

Архип ожидал, друг со второй попытки авторство Онегина припишет Лермонтову, но – Верещагину?

– Опять прикол? Ты слышал о Верещагине?

Кирилл засмеялся. Так и осталось загадкой, что он на самом деле думал по этому поводу.

Глава 3. Университет

Архип отпросился на практику по геологической съемке в Семилуках на пару недель. Хозяину «Олимпиака» заменить трезвого и не вороватого работника было трудно. Чтобы парня не потерять, на время решил сам поехать с товаром за рулём «копейки». Две недели свободы в июле оказались для Архипа невыносимо увлекательным погружением в совсем иную жизнь. Это было знакомство с пластами, несущими останки древних обитателей. Морских раковин, лилий, рыб. Ортоцерасов, невероятных существ, потомков которых трудно отыскать в нынешнем Океане. Кажется, это очень ранние родственники осьминогов.

По оврагам Архип бродил с немолодым, но еще крепким профессором Саввой Гавриловичем Вишневым, которого между собой студенты именовали просто «Савва». Из десяти однокурсников, проходивших практику, лишь один-два, да и те поначалу, присоединились к походам. Остальным было не интересно. Многие опасались из-за практики потерять приработок в Городе. Савва это понимал и не возмущался. Ясное дело, в нынешних обстоятельствах зачет по практике получают все. В итоге из учеников у Саввы остался один Архип.

День они проводили в маршрутах по Ендовищенским оврагам. На ночь останавливались в спортивном зале местной школы. Села вокруг полупустые. Народ в Город подался. Кирпичные храмы без крестов. Или вот: руины храма есть, а домов рядом ни единого. Поселение, значит, было, а руина – его бывшее центральное место. Однако в Синем Лапте все сохранилось. Купола церкви свежим золотом сияли. Крепким, выходит, хозяйственником оказался местный глава. У нас в стране от личности на любом уровне все зависит.

Савва присмотрелся к сиянию, вздохнул.

– Да, новые времена! Знаешь, Архип, чем теперь луковки церковью кроют? Не золотом как в старину. Нитридом титана! Блестит почти также, более стойкий.

Подумал, продолжил:

– Младенцу Христу восточные мудрецы-волхвы, по Евангелию от Матфея, принесли в дар золото, ладан и смирну. Оттого, наверное, купола у нас стали золотить. Однако нитрид титана волхвы Христу не приносили...

Разговоры с профессором неспешные. Тем множество. Вот Савва перевернул носком старого ботинка кусок фосфоритовой плиты.

– Времена, Архип, конечно, неважные, но и они... пройдут. Обратите внимание, кстати, на белую кварцевую гальку в фосфорите. Значит, в меловом море здесь был недалёкий берег. А вот какая отличная устрица! Отнесём её к семейству Остридае. Вполне съедобный был, кстати, моллюск. А там «гребешок», семейство Пектинидае. Все представители тоже съедобны. Заметьте, сколько отличной еды до нас не дошло. Это я к чему? И нам пора перекусить.

Постелили бесплатную газетку на фосфоритовой плите. Архип очистил селёдку, пару варёных картофелин. Разрезал большой помидор. Чай у путешественников с собой, в термосе.

– Итак, о чем мы? – продолжил Савва, отхлебнув чайку. – О жизни, конечно. Помнится, в 1964 году Дэвид Рокфеллер гостил в Москве. Сказанул членам Политбюро: «Знаю ведь я, что такое диктатура пролетариата. Отчего бы и вам не понять, что такое диктатура буржуазии?» Те тогда посмеялись. «Не будет такого». А теперь и нам с вами приходится понимать диктатуру буржуазии, непонятно к чему приспособливаться. Чтоб им пусто было...

Архип внимал. Тут Савва снова что-то разглядел. Отставил в сторону кружку.

– О! Какой шарик, молодой человек! Стяжение серного колчедана. Из писчего мела. Сходите-ка. Рассмотрим.

Архип оставил кружку, принёс шутовину. С одного удара расколол молотком. Показались обильные серебристые «лучи», стремившиеся от центра к поверхности.

– Вот! Видите, как молода ваша конкреция? Только что из пласта, раз железный колчедан не окислен. На такое не меньше полугода надо. А если бы «шар» оказался пустотелым, как бы он назывался? Я на лекции рассказывал!

Архип только глазами хлопал. Савва укоризненно:

– Жеода, друг мой! А был бы из глины и карбоната? Да вы просто Гарпехрути, египетский бог молчания!

Архип покраснел.

– Септария! Учите, молодой человек термины и языки. Всё пригодится.

Архип не против. Только когда?

Оба замерли перед песчаным обрывом. Речка Ведуга недавно подмыла склон. Свежий песчаный пласт слепил на солнце глаза. Савва сел отдышаться на валун. Архип собирал «картофелины» из песчаника, ни одна на другую не похожа, звонко лупил молотком. Одна развалилась по трещине. Сверкнула под солнцем пленка яркого прозрачного минерала,

– О! – заметил Савва с удовлетворением и достал маленькую лупу.

– Да, по спайности, алмазному блеску, цинковая обманка. Быстро подскажите второе название!

– Сфалерит! – вспомнил Архип.

– Наконец, попали! Главная цинковая руда. Такого минерала здесь не видели. Готовьтесь сообщить об этом миру. Как вам заметочка с названием: «Первая находка сфалерита в меловой толще на Ведуге»? Думаю, в «Доклады Академии наук» возьмут. Придется поднапрячься, молодой человек!

Архип вздохнул. Когда этим заниматься?

Однажды в маршруте Савву с Архипом застал краткосрочный ливень. Спрятались в оказавшемся рядом старом колхозном сарае. Крыша текла, но всё лучше, чем на улице. Архип там и наткнулся на странную ...раскоряку. Что-то вроде большого деревянного циркуля. Принес под глаза Саввы.

– О! – узнал тот. – Старинный педометр. Им когда-то нарезали участки земли. Тысячу лет не видел. Большая редкость.

Когда ливень прошел, Архип раскоряку потащил с собой.

– В школе оставим, – сказал. – Пусть дети знакомятся.

Савва не возразил.

Брели они как-то из маршрута по полупустой деревне. Крупные вишни свисали над забором. Тишина. Никого. Архип подпрыгнул и сорвал несколько ягод, хотел Савву угостить. Раздался крик, и к ним выскочила хозяйка. Вот тут парню пришлось немало услышать о себе и своих родителях.

– Нет, нет! – ответил ей Савва и ткнул указательным пальцем в Архипов нос:

– Чужое не тронь!

Парень запомнил.

После каждого дневного похода Архип проверял расставленные загодя «телевизоры» (рамки с сеткой) в мелких речушках со старинными чудными названиями Ведуга, Девица, Синий Лапоть. Ставил в глубоких ямах. Когда-то на Руси их называли ямарина, или вардига. Кто теперь помнит эти старые слова? Савва помнит. Работал на реке Индигирке в Якутии. В селе Русское Устье потомки казаков живут со времен Ивана Грозного. Традиции сохранили. Фамилию основателя села пятьсот лет берегут – Иван Ревров. Много там Савва старинных слов нахватался. Теперь и Архип их знает.

Иногда в ...ямаринах попадались очень крупные караси, на всю сковороду. Их нужно было освобождать от присосавшихся черных миног, которых в том году развелось видимо-невидимо. Костлявые, конечно, существа, карасики, но приготовленные с луком и собранными на пойме шампиньонами получались отменными. Вечером их жарили на огромной сковороде,

которую разрешали брать в школьной столовой. Однажды Архипу попал в «телевизор» крупный черный ротан – рыба с огромной головой. Из-за этих пришельцев с Дальнего Востока в речонках никого, кроме карасиков, нет. Больно охочи головешки, их еще зовут «пенсионерами» и «травянками», до чужой икры. Сочное мясо напомнило по вкусу хорошего судака. Съели с удовольствием. Вкусно. Бесплатно. А эта добыча Архипа озадачила. Пестренькая, широкая рыбка. Таких раньше не видел. Савва надел очки, рассмотрел. Сказал:

– В аквариумах их полно. Называется «солнечный окунь». Кто-то выбросил, видно, в реку.

В общем, не зря замечено: «Для успешного успеха нужно работать работу и делать дело, а не искать секретного секрета или чужого проектного проекта» (где такое подцепил, автор не помнит). У учителя и ученика свой проект неспешно развивался, образовательный. Первому есть о чем поведать, у второго любопытство большое. И талант – умение воспринять. Савва много рассказывал, Архип внимал. Мысли у профессора интересные. О новой жизни в России. О лозунгах, звучащих отовсюду: «Я ведь этого достойна!», «Если ты умный, почему ты бедный?»

– Слышал, Архип, о «законе Янте», по которому живут скандинавы?

Нет, конечно! Где он мог такое услышать? Архип отрицательно мотал головой. Рот полон горячей рыбы, куски язык обжигают.

– В северных странах со времен викингов и поныне принято затыкать хвастунов, кичащихся богатством, происхождением, высоким положением. Никому не дозволено считать себя лучше других. Книга есть, автор Акинмаде Экерстрём. Называется примерно так: «Лагом: шведские секреты счастливой жизни». В ней подсказывают состоятельным современникам: «Тебе будет проще с нами, если машина у тебя, не смотря на твоё богатство, будет как у нас. Если твой дом не будет угнетать нас громадностью. Делай так и вокруг тебя не станет ощущения несправедливости». А как у нас нынче?

Архипу ли не знать.

– Чем больше и дороже машина, тем хозяин круче. Успешней. Важней.

– Вот! Праздник павлиньего тщеславия. А если подумать? Ты выделился, вызвал зависть. О тебе нехорошо размышляют недруги. Есть смысл опасаться за себя и близких. Здоровье твое в опасности. В Новой Зеландии неважное психическое состояние выскочек описывают термином «синдром умника», по-английски «smartass syndrome»... Ведь что делают окружающие?

– Завидуют? – предположил Архип.

– Не только. Стараются посадить «умника» в лужу. Мудрые шотландцы такую неявную месть общества именуют «способом мышления крабов» (mentality of crabs). Когда какой-то краб пытается по головам собратьев выбраться из чана (в котором скоро всех сварят), остальные дружно отправляют его на самый низ. У всех должна быть равная судьба, полагают крабы.

– Да, – согласился Архип, – не любят тех, кто высовывается.

– Сегодняшние выскочки, тщеславные, высокомерные, заносчивые, не очень умны. Полагают, окрыжающие ими любят, но чувства у тех другие. Счастливых в этой категории, Архип, немного. Легализуются умные, не болтливые. Те, кто меньше раздражал, больше думал о сокрытии награбленного. Поклонники бога молчания Гарпократа.

– Гарпократа?

Архип на ус мотал.

– Древние греки его у египтян позаимствовали. В Фивах, стольный град фараонов, он был Гарпехрути...

Это имя Архип от Саввы уже слышал. Вспомнил Кирилла с золотой цепью под малиновым пиджаком. А Савва все говорил. Тема, видно, задела.

– Чужие они русскому человеку, «новые русские». Русские художники писали иконы, а авторства не указывали. По зову сердца работали, Не для хайпа и бабла. А «эти» – чужие. Не поймут они Россию. Исчезнут.

Очень переживал профессор за судьбу отечественной геологии. Когда-то она задавала тон в познании недр Земли.

– Знаешь, Архип, в девятнадцатом веке на геологических картах породы разного возраста раскрашивали вразнобой. Как у кого получится. Было очень неудобно, приходилось долго вникать в подписи. А наш Карпинский Александр Петрович предложил единую раскраску для Планеты. И все согласились. Потому что в душу попал. Выразил то, что все ощущали. С тех пор отложения юрской системы на картах Мира голубые. Потому, что в юре было столько теплых, полных жизни морей. Меловая система стала зелёной. Как признание великого расцвета флоры в меловой период. А какой мощной была советская геология! Сколько независимых мыслителей... Теперь правят авантюристы. Даже академики геологические вторичны. Не очень они ученые, скорее, переводчики с американского.

Ученик слушал. В чем-то соглашался. Конечно, открытия советских геологов озолотили новых хозяев России. Им найденного пока хватает. Но так будет не всегда. Уже сейчас в России большие проблемы с самым нужным оксидным марганцем. Почти все его запасы остались на Украине и в Грузии. Неважные у нас и руды хрома. Хорошие хромиты покупаем в Казахстане. Традиционная беда с ураном. Те месторождения, что есть, невелики и небогаты.

– Ничего, Архип, всё изменится. Люди переменчивы. Где модные недавно видиосалоны? Толстушки из «Гербалайфа»? Вот и на бандитов с «новыми русскими» мода пройдет. Поймут, что за люди юристы и финансисты Высшей школы экономики. Нет, они не Адамы Смиты и не Марксы-Энгельсы. Осточертеют менеджеры и офисная шпана. Станут пугалами чиновники, креативщики, болтуны-блогеры с потаенной мечтой о Мальдивах-Доминиканах как высшей на Земле награды. А вернется, Архип, тоска по улетающему в тайгу самолету. По геологу, который солнцу и ветру брат.

Архип вздохнул. Скорее бы. Пока не очень похоже.

Коек в школьном спортзале не было. Они спали на жестких грязноватых гимнастических матах. Мяч в углу лежал. Однажды Савва перед маршрутом взял его и с пяти метров забросил в баскетбольное кольцо. Архип восхитился, а Савва нахмурился. В глазах красноватые искорки промелькнули. Больше такого не случалось. Обоим полевая жизнь нравилась. Они занимались делом. Оба оказались интимистами. Что такое русский интимизм? Это умение видеть красоту и целесообразность в обыденных и даже неказистых вещах. В вылетевшей из глухого бурьяна дикой птице. Ужике, греющем на солнце среди мусора на берегу Ведуги. Фрэнсис Жамм (Francis Jammes) обращал внимание Эренбурга на «убогое величие происходящего рядом». На красоту чисто выметенного двора, очарование старинного окна в наличниках, пыльных цветов за стеклом. Чтобы продолжить примеры месье Жамма, интимисты Савва и Архип прибрали свой спортзал и надраили до блеска от века немый пол. Школьники в сентябре вернутся, обомлеют. Получилось в полном соответствии с лозунгом, сохранившимся в спортзале под потолком: «Нам не скажется и не корячится, сверху сил мы не переломлены. Мы советским знаком качества отпломбированы и отштампованы!» А другая сторона спортзала на такое откликнулась: «И с нами на все времена Любовь, Комсомол и Весна!» Правда, неплохо? Немного жаль, что устарело.

– Хоть бы надписи оставили, – отозвался Савва. – Как-никак, история.

Не оставили. Пришли из очередного похода, а стены перекрашены. Свежая краска сохнет. Окна нараспашку, а дышать нечем. Савва вздохнул:

– Страна невыученных уроков. Кому-то нужно оставить нас без корней. Как болотную ряску.

Следующие две ночи профессор и ученик вынужденно провели на школьном дворе под кустом сирени. Было тепло и без дождя. Высказали ехидные соображения о том, какие лозунги (по-теперешнему, слоганы) новое время предложит стенам школьного спортзала. «Сбрось вес сейчас!». (Первоклашки изумятся). «Обогащайся!». «Я этого достойна!». «Ты умный? Почему бедный?». «Деньги – цветы жизни».

Дома Архип застал мать в слезах. Василия Геннадиевича нет. Ушел выпивать к своим снабженцам. Их с Архипом из квартиры гонит. Все планы на собственный особняк рухнули. Этот жулик Мавроди 27 июля (1994 год) понизил своим указом стоимость билетов МММ в сто двадцать семь раз. Деньги от продажи дедова дома сторели. Дядя Вася зол и груб. Куда им теперь идти?

В девяностые годы от семейных неудач семьи рушились многими способами. Однако мать и сын в квартире дяди Васи прописаны. На улицу не выставить. Суд не даст. Это дед объяснил под яблонькой, куда внук на следующий день ходил. Парень рассказал и Кириллу о семейных бедах.

– Гнида твой дядя Вася, – среагировал тот. – Ну, ладно! Хочешь, Фантомасу скажу? Он к нему бригаду пришлёт. Припрут придурка в тихом месте к тёплой стенке. Когда окажется в глубокой задней полусфере, одумается.

– Ни в коем случае! Если что, пеняй на себя.

Кирилл усмехнулся.

– Гротишь? Не слыхал поговорку: «В кругу друзей не щелкай клювом»? Архип, ты реальный, четкий чел. Самого высокого уровня. Восьмидесятого. Я твой дружан. Всегда помогу. Фантомас справедливый. Людей понимает. Шесть лет по Афгану с «веслом» бродил... Такое даром не проходит.

Ну, откуда Архипу знать, что «весло» это СВД, снайперская винтовка Драгунова?

Отчим Василий Геннадиевич заседал в подвале у сантехников среди быстро пустевших пивных бутылок. Клял жизнь, сожительницу Ольгу, работу, МММ, Лёню Голубкова. Ему только что удалось «толкнуть» полтонны университетской бумаги частному издательству. Деньги возникли из ничего. Событыльники понимающие. Всем было, что сказать. Сантехники Руслан с Григорием кляли старые трубы, краны, вечные засоры. Уборщица Гюльнара, единственная дама, не довольна щербатым паркетом у ректора. Сколько ни три, грязь остаётся. Виктор Иванович, «джанитор», как себя именовал, был преподавателем, да удален с должности за «харассмент» (его выражение) по отношению к кафедральным лаборанткам. Критиковал качество преподавания.

– Ни у кого из препов огня в глазах нет! Годами несут одно и то же. Отстаивают время. Студенты на лекциях жвачку жуют, мол, гигиеническая процедура. Куда всё катится.

Гул стоял хороший. Каждый делился собственной обидой и согласно кивал остальным. За Гюльнарой уже приударил пожилой сантехник Григорий Иванович. Подсел ближе, подливал.

Мужик наш может выпить пивка хоть центнер (тьфу, десять декалитров), но и в укромный уголок при этом сбегает не раз. Приспичило и дяде Васе. Выбрался он в университетский внутренний двор из подвала, нетвердо направился к забору за трансформаторной будкой. Пошатывало, конечно, однако выкамаривал хорошо, По пути поприветствовал Конюхова, проректора по хозяйству, шедшего обратным курсом. Тот тоже был, кажется, не вполне в себе. В общем, мужики друг друга поняли. Уголок этот крепко полит вдоль и поперек, отчего даже трава не росла. Всегда сходило с рук. Только не в этот раз. Едва дядя Вася приступил к нетерпящему отлагательств процессу, как получил страшный удар. Током! Человек опытный, уже падая, пытался оказаться на земле подальше от места первоначального контакта. Так и получи-

лось, но и там контакт с источником продолжился. Вот, что есть человеческая жизнь? Только что был здоровый, крепкий, почти счастливый и нестарый мужчина и – нет его! Откуда в традиционно мокром мужичьем месте ток со смертельным напряжением?

В подвале компания тоже не железная. Ждали-ждали дядю Васю да и сами подались в уголок. Только Гюльнара, как и положено даме, отправилась в известное ей место при ректорате. Увидев бездыханного дядю Васю, Руслан и Григорий Иванович вспомнили, что тут в земле когда-то закопали медный лист. К нему еще провод провели, заземление от ускорителя, что на втором этаже. Черт его знает, какие элементарные частицы там ускоряли, только прибор давно не врубали. Да и сейчас, кажется, он отключѐн. Дядю Васю перетащили на скамейку без проблем. Никого током не повредило. И с чего машина у физиков вдруг заработала? Вот и электрики отмечают: лучше изоляция, чем заземление. Дела...

Шум был большой. Следователи приезжали. Опечатанный зал с ускорителем вскрыли. Какие результаты, кто знает. На похоронах мама Архипа сидела сжатая в комочек, накрывшись черной косынкой. Соседи входили в открытую дверь, смотрели на гроб, вздыхали. Все были в курсе: покойный перед смертью на сторону ходил, С подругой решил расстаться.

– Это ему за грех, – твѐрдо сказала мама сыну и Кириллу, когда после кладбища университетские разошлись. – Господь предательств не прощает.

– Ну да, – усмехнулся Кирилл. – Фантомас тоже. Он с Архипом закорешиться хочет, а тот рыло воротит.

– Спятил? Причем тут Фантомас?

– Конечно, не причем, – засуетился Кирилл. – Я так. Просто совпало. Вот у тебя «фатимка» есть. Она помогла.

Архип вспомнил, незаметно потрогал «руку бога» под рубашкой. Что-то горяча. Может, показалось.

Давно он хотел дедов подарок мудрому Савве показать. Что он скажет, интересно. Тут как раз вспомнил о том цинковом минерале в песчанике, что с профессором летом в Семилуках нашли. Сходил в свой чуланчик. Камня на месте не было. Другие образцы были, а этого, самого крупного, нет.

– Мам, вот здесь у меня кусок песчаника с практики лежал. Куда делся?

– А, – вспомнила Ольга, – сейчас, сейчас! Я его как груз на крышку с огурцами положила. Наверное, уже просолились. Возьми на балконе.

Архип сходил к баку. Там камень-то был, да только что с ним стало. Песчаник сохранился, цинковая обманка исчезла. Агрессивный оказался у мамы рассол, съел минерал без остатка. Весь его студенческий цинк теперь в маминых огурцах. Однако сейчас упрекать мать в чем-то не лучшее время. Архип поплелся в университет к Савве. Тот был удивлен. Камень рассмотрел.

– Досадно, конечно... Архип, как ты мог?

– Савва Гаврилович, так получилось... Мы с вами следующим летом еще найдѐм.

Профессор вздохнул.

– Писать заметку не хотелось?

Видно, не поверил версии с огурцами. Тут Архип и спросил его о «ладони бога». Чтобы неприятную тему сменить. Савве не до игрушек, у него скоро лекция, но талисман взял. Отметил, что для такой маленькой вещицы вес значительный. Рассмотрел в лупу. Согласился, что металл странноватый. Не серебро. То всегда с сероватой пленкой. Из-за сернистого газа от котельных.

– Ну, что, давайте определим, Архип, что за вещество. Говорите, старинная вещь из Индии?

Савва с Архипом поднялись на второй этаж в комнату, где разметили недавно поступивший в университет рентгеновский микроанализатор. С ним возился инженер-настройщик, который в тот момент просматривал газеты.

– Горим, Савва Гаврилович, – сказал он, – заводы в городе закрывают. Куда теперь люди пойдут. А иные перепрофилируют. Делали кинескопы, стали – бутылки. Вместо экскаваторов – церковные колокола. Это дело? Электронику городскую режут. Отсталая, дескать. Эх...

Савва ничего не ответил, нахмурился. Инженер продолжил:

– У нас теперь в каждом районе городском – вторая власть. И свой предрержащий пахан.

– Университетский район кому достался?

– Пишут, самому жесткому. Ник, а, может, погоняло, – Фантомас.

Савва попросил определить, из какого металла сделана «ладонь бога». Настройщик включил «Камебакс», закрепил под выходом рентгеновских лучей кулон. Вскоре пошли результаты анализа. Лента с цифрами ползла из принтера. Инженер вгляделся.

– Такого не может быть. Барахлит машинка. А ведь французское изделие. Говорили, мирового уровня. Как так...

Он немного растерян.

– Сейчас подрегулируем...

Савва с Архипом терпеливо ждали. После трех проверок результат стал однозначным. Инженер сказал:

– Уф! Дикая вещь. Но, кажется, точно. Кулон из... чистейшего металлического рения! Из рения, понимаете? Без примесей. Ну, не считая следов осмия. Его совсем чуть-чуть.

Савва нахмурился. Архип ничего не понял. Профессор ему сказал:

– Мне на лекцию. Вы идите в библиотеку, почитайте про рений. Завтра мне доложите.

Архип поплелся в библиотеку. Нехотя начал с тома БСЭ, но потом увлёкся. Читал и все смотрел на дедов подарок на столе. Ведь все, что там написано, – о странном материале, из которого сделана «рука Бога». По технике изготовления кулон, вроде бы, старинный. Ему сотни лет. Однако рений, из которого его отлили, человечество впервые увидело только в 1926 г. Тогда немцы Ида и Вальтер Нодак получили жалкие 2 миллиграмма. А кулон весит восемь граммов!

Дорог рений. За грамм дают до десяти долларов. Но без добавки рения в сплавы, из которых делают двигатели самолетов, ракет, те далеко и долго не летят. Лучший бензин получают при помощи катализаторов из рения.

Савва выслушал Архипово сообщение. Был явно не доволен. Когда тот завершил, спросил:

– И это всё!?! И только? Негусто. Отчего вы, молодой человек, ничего не сказали об изотопном составе природного рения? А он необычный. На треть изотоп нерадиоактивный, а на две трети – радиоактивный. Который очень медленно распадается. Превращается в осмий.

Но это-то Архип уже и сам знал. Продолжил:

– Полураспад сорок три с половиной миллиарда лет! По количеству возникшего осмия думали определить возраст Вселенной. Не получилось...

– А почему? И каков возраст Вселенной?

– Столь медленно рений сто восемьдесят седьмой распадается в нормальной среде. Без ионизации. А в начале Мира было очень горячо. Превращение шло в тысячи раз быстрее. Поэтому возраст Вселенной, считают, тринадцать-четырнадцать миллиардов лет!

Савва довольно кивнул. Получается у парня.

– Некоторые и до двадцати пяти миллиардов лет рубеж появления нашего Мира дотягивают, но, полагаю, напрасно. Ионизация, это что?

Архип знает. Даже несколько обижен:

– Превращение обычных атомов в ионы. При нагреве, облучении, химическом воздействии.

– Неплохо, неплохо. Остается, Архип, сходить к физикам на масс-спектрограф. Определить, нормальный ли природный металл у вашего... сувенира.

Потом, получив распечатку от аналитиков, обо долго смотрели на него. Слишком велика была доля осмия, образовавшегося при распаде рения. Максимальная из известных. Почти равная возрасту Вселенной.

– Ну вот, – сказал, наконец, Савва. – Приехали. Двенадцать миллиардов лет материалу, из которого твой медальон, Архип. Может, это возраст Творца? Какую «руку» носите, мой друг! С цинком не получилось, теперь перед вами гора побольше: Его Величество рений. После такого мне надо вам что-то показать. Не здесь.

Они пошли к профессору домой. Открывая дверь, тот сказал:

– Давайте потише. Со мною живут сын Аскольд, жена-врач Нина Ивановна и её родственница Александра. У них своя группировка. Мы почти не разговариваем. Такие вот отношения.

К счастью, в квартире никого. Прочие жильцы куда-то вышли. Можно нормально разговаривать. У Саввы много книг. Пыльные папки с отчетами, написанными на пишущей машинке. Самодельные полки прогнулись от тяжести. На стенах фото человека, лишь отдаленно похожего на Савву. Здоровяка, в накомарнике, ветровке. В сапогах. Не верится, что это Савва в молодости. Неужели столь потрепанные жизнью люди когда-то были молодыми? Ныне профессор полусогнут, то и дело держится за поясницу. Слышит неважно.

На стенах много фото. Серых, плохо читаемых. На всех можно разобрать палатки и костры. Женщину, одну и ту же, рядом с Саввой.

– Хребет Снежный в Бурятии, – пояснил профессор. – А вот Северо-Муйский хребет. Через него туннелем прошел БАМа. Но в мое время о таком только мечтали.

Савва смел пыль с огромной рукописной книги, раскрыл. Посыпались черно-белые фото.

– Джекказган, – шамкал Савва, забывший, куда положил вставные зубы.

Серые воды, серое небо – казахское озеро Балхаш. Серый малоэтажный город – Джезказган. Теперь Жезказган, медная столица новой страны.

– Здесь мы интересовались как раз рением... Очень успешно...

Савва перестал шамкать, так как челюсть нашел.

– Когда в девяносто первом СССР не стало, Казахстану достался весь союзный запас рения. Шестьсот тонн, по другим данным, девятьсот. На миллиарды долларов. Так Россия расходилась со своими республиками. Ничего не просила. Ничего не получила. Где еще такая страна есть.

Покряхтев, Савва вскарабкался на стул, чтобы снять со шкафа крупный рыже-зеленый камень. На свету они разглядели в нём серую полоску, отливавшую металлом.

– Вот он рений, Архип. Открытый нами минерал джекказганит. Его в Мире больше нет нигде, кроме Казахстана, где провозглашён «государственным минералом». Гордятся им казахстанцы. А Россия рений теперь покупает. И знаете, где его было больше всего на Балхаше? В древних речных долинах, скрытых под степью. Забирай отчеты, Архип. И камень. Вот тебе задача на жизнь: попробуй понять, где в Черноземье есть подобные древние долины с рением.

Архип кивал, но мало что понял. На свиданье к Алинке брел с пыльными сокровищами учителя. Занести домой времени не было.

Алинка была девушкой высокой, повыше Архипа, от природы стройной, хотя до идеала чуть-чуть не хватало (некому было девочке осанку ставить). Хороши у Алинки волосы, густые, каштановые. Очень мягкие. Глаза Алинкины карие, яркие, улыбчивые. И улыбка хороша, доверчивая, обезоруживающая. И руки Алинкины хороши. Пальцы длинные, тонкие. Стиль у нее свой. Ногти некрашеные, брови если и поправлены в парикмахерской у Ольги, Архипо-

вой мамы, то чуть—чуть. Ресницы обычные, не длинные, не короткие, зато не наклеенные. Макияжем не пользовалась. Парням такое нравится. Недостатки были. Как минимум два. Первое – Алинка любила Блока (кто сейчас читает о «незнакомках»?). Второе – грудь у нее почти незаметна. Ребята над Архипом по сему поводу подшучивали. Тот терпел.

Жила Алинка с мамой Мариной Ильиничной, школьной учительницей английского. Про отца ничего не знала. Разговор на эту тему дома не приветствовался. Девяностые годы меняли привычки. Могла ли Алинкина мама еще недавно предполагать, что поплетется с клетчатými сумками в Восточную Турцию. За кожанými куртками, джинсами, кроссовками. Что будет сдавать добро в городе хищным южным ребятам, научиться торговаться и стоять на своем. У нее не все получалось. Из-за того, что в отличие от прочих «челночниц», старалась что-то разглядеть для себя в вынужденных этих походах. Ведь турецкие ныне Карс и Эрзурум – Пушкинские места. Святы́е для русского гуманитария.

Деньги на первую поездку добыла, продав доставшиеся от бабушки книги. Там были шедевры. Достоевского «Дневник писателя за 1877, 1880—1881 гг.». Все четыре серии дореволюционной Всемирной библиотеки от А. В. Амфитеатрова до Георга Брандеса, отлично сохранившиеся. Теперь это состояние. Тогда – спасибо, нашелся ценитель, давший по минимуму.

Из Города до турецкой границы по реке Араксу, это за Батуми, автобус с челноками шел два дня. Турки за пограничным Араксом товар держали наготове. Можно было, загрузившись, возвращаться в тот же день. Пушкин не позволил. В первый «челночный» поход Марина Ильинична понеслась на местном автобусе в Карс (двести тридцать восемь километров), оставив сумки под надзором продавцов. Риск, конечно. Кто знает, насколько они надежны.

В 1878—1917 гг. Карс был главным городом Карской области Российской империи. Марина Ильинична, зачарованная, бродила по его улицам, где сохранилось немало домов в русском купеческом стиле. Но еще на подъезде к городу она думала о том, что вот где-то здесь, может, вон в той деревушке, Александр Сергеевич ел *«проклятый чюрек, армянский хлеб, испеченный в виде лепешки пополам с золою»*. И ей тоже захотелось чюрек. А вот где-то здесь, в центре тогда еще небольшого Карса, молодой, рвущийся в бой, армянин велел своей матери поэта покормить. *«Скоро старуха приготовила мне баранину с луком, которая показалась мне верхом поваренного искусства»*. Марине Ильиничне тоже захотелось... шашлычка.

О, горы Карса, покрытые *«печальными соснами»*. До Эрзурума от него сто семьдесят два километра. Места боев «пушкинского» июльского похода 1829 года. *«Турки отсеченные головы отсылают в Константинополь, а кисти рук, обмакнув в крови, отпечатлевают на своих знаменах»*. *«Пушка подымала нас на заре. Сон в палатке удивительно здоров. За обедом запивали мы азиатский шашлык английским пивом и шампанским, застывшим в снегах таврийских»*.

А есть ли сейчас в Эрзуруме «язиды», слывущие дьяволопоклонниками? Александра Сергеевича утешили: это *«пустая баснь; они веруют в единого бога; что по их закону проклинать дьявола, правда, почитается неприличным и неблагородным, ибо он теперь несчастлив, но со временем может быть прощен, ибо нельзя положить пределов милосердию аллаха»*.

Где была заминированная турками сакля, в которой в гостях у генерала Раевского оказался поэт? Едва русские, узнав о mine, жилище оставили, случился взрыв. Разлетевшимися камнями придавило нескольких казаков. Где-то здесь Пушкину показали гермафродита – *«высокого, довольно толстого мужика с лицом старой курносой чухонки»*.

А как Пушкину нравились слова пленного паши о поэтах, обращенные к нему!

«Благословен час, когда встречаем поэта. Поэт брат дервишу. Он не имеет ни отечества, ни благ земных; и между тем как мы, бедные, заботимся о славе, о власти, о сокровищах, он стоит наравне с властелинами земли и ему поклоняются».

Десятитысячная русская армия, занявшая Эрзурум, поразила жителей дисциплиной. Ни одного случая краж или мародерства. Русская воинская культура: не грабить, не кланчить, пленным не обижать.

Челноки в Карс и Эрзурум не ездили. И правильно. Крюк от Аракса полтысячи верст. Тамошняя торговля не очень. Да что там. Вот и у Пушкина про Эрзурум: *«товаров в нем продается мало; их здесь не выкладывают, ... в Арзруме больной может умереть за невозможно-стью достать ложку ревеня, между тем как целые мешки оного находятся в городе»*. Время идет, а что меняется?

На весь поход у Марины Ильиничны ушло три дня. И сорок три доллара, на автобусные билеты и воду. Огромные для неё деньги. Не жалко. С Александром Сергеевичем пообщалась.

Однако в связи с дальним походом хозяйки её квартирка закрытого гостиничного типа, с душем и туалетом без ванной, оказалась в распоряжении детей. Отработав свое, Архип на «копейке» нёсся к подъезду девушки испить настой из пакетика цейлонского «Ахмада». Было у Алинки чистенько. Аккуратная девочка. Альбомы семейные смотрели. Архип видак купил. Кассеты с фильмами брал в ларьках хозяина. Роскошные, недоступные прежде фильмы. Помните, конечно, «Хищника» с классным тогда ещё Арнольдом Шварценеггером. Вертолет, рухнувший в джунглях. Слеза из глаз издыхающего инопланетного чудища. Свирепое существо, а почему-то все равно жалко.

«Однажды в Америке» Серджионе! «Крестный отец» Френсиса Форда Coppoly! Алинка с Архипом смотрели в маленький мерцающий экранчик в темноте, прижавшись друг к другу. Подвывали нежной, чистой, до слёз печальной мелодии Нино Рото, пронзившей каждый кадр. Рвущий сердце плач души, затолкнутой в грязь. Тоска о чистоте и любви. Сожаление, невозможное раскаяние, когда столько натворили. Фильм и тогда был немолодой (1972 г.). Только в девяностые до России добрался.

Алинка

И однажды Архип шестым чувством догадался: под халатиком прижавшейся к нему Алинки... ничего нет. Только Алинка. Парень смущен, озадачен. Не понял, как они оказались на Алинкиной кушетке. В комнате темнота. Экран видака светится, да мало что освещает. И мелодия звучит та же, великого Нино Рото: «Говори тише, любовь моя» («Speak Softly Love»). А ещё они слушали Кутунью, Пупо, Рикки э Повери («Богатые и Бедные»), Риккардо Фольи, Аль Бано и Ромину Пауэр («Sharazan», «Felicità», «Ci sarà», «Libertà!»), Сальваторе Адамо («Tombe la neige»), Джанни Моранди. Напористого и прекрасного Челентано.

У Алинки халатик расстегнут. Это на свету у неё грудь в профиль не заметна, будто её нет. Но что тогда это – мягкое, нежное, душистое под губами Архипа?

Алина поцеловала его, пахнущего едким семьдесят шестым бензином, трансмиссионным маслом (сегодня, как на грех, пришлось в «копейке» менять) да вдруг, некстати, чихнула. Архип, немывое ничтожество, растерялся. Алинка же спросила:

– Знаешь, Архип, чем пахнешь?

Архип вздохнул. Ему ли не знать.

– Солнышком пахнешь, – сказала девушка. – Свежим ветром. Свежим сеном. Ночным облаком... Рекой.

Вот! Не трансмиссионкой! У влюбленных своё обоняние. Юные они, не опытные. Три вечера под «Speak Softly Love». И – ничего не случилось...

Мама вернулась из Эрзурума. Прибыль после сдачи товара перекупщикам – шесть долларов. Мизер, конечно. Все равно, понравилось. С Александром Сергеевичем повидалась.

Нравился Архип старшекурснику—математику Яше. С ним он осваивал компьютер и ставший в Университете доступным интернет. Очень кстати. Приближалось время защиты квалификационной работы на степень магистра. Она не очень велика, страниц тридцать—сорок, да где набрать даже столько материала. Тему Архип выбрал грандиозную: «Есть ли рений в России?». Савва учил: чтобы результат был ощутимым, сразу нужно замахиваться во всю мощь, от души. Тогда на всю жизнь работы хватит. На защите ему даже поаплодировали, когда рассказал о древних подводных долинах Казахстана, в которых накапливались пески с медью и рением. Долины те не простые. Это трещины-разломы в мягких породах, промытые глубинными течениями. Рений попадал в море из недр с газами и накапливался в осадках. Вулкан Кудрявый на Курильском острове Итуруп и ныне рений так в воздух поставляет. Основной вывод: на Русской равнине рений нужно искать. Для того стоит выявить, где в прошлом здесь текли реки. Наше Центральное Черноземье для этого очень интересно. Под его почвами, глинами, песками скрыт огромный каменный хребет. Подлинный подземный Урал, хотя и втрое меньший. Так вот, в последние четыреста миллионов лет с него стекали воды в соседние котловины. Туда, где сейчас Ока течет. На юг, к Донбассу.

В итоге, Архипу красный диплом вручили. Приглашения на работу – нет. Не советские времена, чтобы выпускников распределять. Геологи, и не одни они, обществу не больно нужны. Разве что площадки под особняками «новых русских» проверять, чтобы те не сползли с домочадцами в овраги.

Перспектива молодого выпускника одна: дальше рулить на хозяйском «жигулёнке» по ларькам. А там как получится. О том и поведал Архип дедушке под яблонькой. Тот, ничуть не расстроенный, долго рассматривал диплом внука. Улыбался. Особо оценил, что «корочки» красные. Не пропащий, выходит, внучек, умеет делать дело хорошо.

– Порадовал ты меня. То, что сейчас работы нет, это пустое. Работящий и умелый человек своё непременно возьмёт.

Июльская ночь была грозовая. Небо в высоких электрических облаках. При вспышках молний их края отсвечивали красным. Ливень хлынул, а под раскидистой яблоней сухо. Прохладно стало. Архип снял куртчонку, чтобы дедушке накинуть на плечи. Блеснул при вспышке в небе серебристый амулет под горлом.

– Носишь! – обрадовался дед. – Она-то тебя и выведет, малыш, «рука Бога».

Архип согласен. Прижался к дедушке.

Скрипнул песок. Дел и внук подняли глаза. Кто-то подкрался к ним незаметно, скользящим шагом.словно ниндзя. Откуда деду с внуком знать, что так сербы в Боснии проходили поля с противотанковыми минами. Голова в поднятом капюшоне. Лица во вспышках сухих молний не разглядеть.

Архип, будь один, испугался бы. Старый моряк и бровью не повел.

– Ты кто?

Привстал, заглянул под капюшон. Отступил потрясенный.

– Ну вот, – изменившимся голосом сказал Архипу, – его только не хватало. Ладно. Присаживайся, Алексей.

Подвинул прищельцу чурбак.

Алексей? Архип не сразу понял, кто это. Звериным чутьем сообразил, по слабому духу табачному, поту. Вот, выходит, кто. Отец...

Дед суров. Вопросил:

– Что ты сделал с Олей, моей дочкой? Своей семьей...

Голова в капюшоне все ниже. Прищелец... плачет?

– Не мог по-другому... Всё вокруг гибло...

– Ну, и кого ты спас?

Прищелец сбросил капюшон, повернулся. Части черепа нет. Правой височной кости.

– Никого. А хотел помочь всем. Прежде всего, русским.

И Архипу:

– Не нужен я тебе?

Архип вскочил, бросился к отцу, попробовал обнять пятнистую, пахнущую грибами-навозниками накидку боснийского снайпера, а... никого нет! Руки сквозь воздух пролетели.

Да... Библейский сюжет, конечно. Единение, пусть небесспорное, русских мужиков трех поколений. Один ушел, другой пришел, третий наготове. Как патрон за патроном, уходящие в ствол русской трёхлинейки. И так без конца. По жизни мужики, вроде, разные, а в глубинной основе едины. Всё меняется, много о чем вокруг говорят, но придет пора действовать, поступать будут в соответствии с глубинным стержнем. И Архипова очередь, кажется, подошла. Что там по этому поводу у Морды Ушастой?

Жизнь все расставит по местам:

Вернутся те, кого не ждали,

Вернется все, что мы отдали,

И что когда-то дали нам

Архип затаскивал ящики со средством Бравекто (от блох и клещей у кошек и собак) в очередной ларек «Олимпик», когда к «жигуленку» подбежала Марина, Саввина аспирантка.

– Архип, – чуть отдышавшись, затараторила она. – Срочно к шефу на кафедру. Тебе бумага пришла. Из Австралии!

Что за хреновина? Архип озадачен.

Потом выяснилось, не бумага. В электронной почте кафедры, которую только месяц назад установили, обнаружилось пространное послание от Школы физических наук Университета Южной Австралии. Он в городе Аделаида. Савва уже прочитал его и с интересом смотрел на Архипа, не нужно ли тому помощь с переводом. Нет, не нужна. Алинкина мама не напрасно помогала другу дочери. И англо-русский словарь Владимира Карловича Мюллера (сто шестьдесят тысяч слов) Архип не зря в «жигуленке» возил.

Адресовано письмо заведующему кафедрой, то есть Савве. Вот оно.

Уважаемый сэр!

Недавно в интернете мы познакомились с темами магистерских диссертаций, защита которых состоялась на Вашей кафедре. На нас произвело большое впечатление разнообразие тем диссертантов. Особое внимание привлекла работа Архипа А. Лобынцева. В ней автор

рассмотрел подходы к обнаружению древних речных долин, не выраженных в современном рельефе. Для нашего штата Южная Австралия это актуально. На севере штата расположена очень слабо изученная пустыня Симпсона – около пятидесяти тысяч квадратных миль горячих песков (143 тысячи квадратных километров). Белые люди пересекли ее впервые только в 1886 г. (Дэвид Линдсдэй), потом через полвека – скотовод Колсон (1936 г.) и Мэдиган (самый знаменитый, но тоже давний переход, 1939 г.). В 1960-е годы несколько трасс через пустыню прошли французские нефтяники. Нефти не нашли. И это всё.

В пустыне есть колодцы, которые аборигены используют десятки тысяч лет. Карт колодцев нет, источники, питающие их водой не известны. Возможно, это и есть система древних долин, погребенная под песками, вроде той, о которой рассказал в своей диссертации Ваш выпускник г-н Лобынцев. Это причина, по которой мы решили его пригласить на работу в наш Институт минеральных и энергетических ресурсов для проведения научно-исследовательской работы. Предлагаем ему контракт на три года, в течение которого он не должен покидать объект исследований для обеспечения их непрерывности. При выполнении этого и некоторых других условий г-ну Лобынцеву по завершению срока контракта будет выплачено вознаграждение AUD 500 тыс. (USD 330 тыс.). Содержание, снаряжение, питание предоставляются Университетом безвозмездно.

С нетерпением ожидаем Вашего ответа.

*Руководитель Пакета Северных программ Университета Аделаида Прамод
Кумар Сарасвати, Доктор Философии.*

Похоже на розыгрыш. Слишком хорошо, чтобы быть правдой. Ну, не грешно ли смеяться над не очень удачливыми современниками? Интернет тогда у нас только появился. Его немедленно освоили хитрецы. Лохам рассказывали об их сумасшедших выигрышах в лотереи. Переведите небольшую сумму на указанный адрес, и получите «oodles of oof» (гору денег). Многие переводили. Доверчив бывший советский люд. Однако и он понемногу учился.

– Сарасвати? – задумчиво произнес Савва, рассматривая письмо. – Помнится, это имя индийской богини речи, которая летает на лебедь. При выдохе-вдохе будто бы люди слышат: «хам-са», «хам-са». Это на санскрите «лебедь»...

Все смешалось в странном письме: Австралия, Индия, дикая пустыня. Почему там надо искать погребенные речные долины, если со всех сторон континента тёплые моря? Предлагаемый гонорар показался Архипу невероятным. Филантроп Сорос тогда славно приватизировал бывшую советскую науку. Выдавал каждому ученому с пятью статьями в определенных журналах по пятьсот долларов. На них русский ученый бедняк мог с семьей продержаться год. Получившему эти копейки, присваивалось звание «соросовского» профессора. Австралийцы же особо ничего не требовали и сходу предлагали в тысячу раз больше.

– Ну, не сходу, – возразил Савва, – обрати внимание, заплатят только после трех лет работы. До конца срока ты у них в лапах. Немного напоминает приглашение на каторгу. И какие гарантии, что точно заплатят.

Они вместе просмотрели в интернете, что известно об университете Аделаиды. Конечно, процветающий вуз. В его составе пять прославленных в мире науки НИИ. Среди выпускников и сотрудников пять Нобелевский лауреатов. С университетом был как-то связан Говард Уолтер Флори, один из подаривших человечеству пенициллин. Место, где родились забавные открытия. Где получены свидетельства того, что животные иногда превосходят людей способностями к познанию окружающей среды. Или доказано, что мозг человека привыкает к жирной и сладкой пище еще в утробе матери.

Ладно, Архип подготовит ответ со всеми вопросами, и они с Саввой его обсудят.

Такое не может не захватить. Теперь Архип думал только о письме, мотаясь по своим торговым точкам. Однако все же заметил, белый и очень аккуратный голубок все время сле-

довал за его машиной. Архип остановится у очередного ларька, пойдет открывать багажник, а голубь (может, голубка, уж больно грациозная и аккуратная), тут как тут. Сядет на ограду поближе, перья встряхивает, оправляет, на парня внимания не обращает. На последней точке Архип решил птицу угостить. Насыпал перед ней крошки «чоко-пая», ларечница бракованную пачку отдала водителю (всё равно, не купят). Голубок (может, голубка?) к крошкам не при-тронулся, заковылял по земле к машине. Словно за собой звал. Архип глянул. Мать честная! Жирное пятно под правым колесом «жигуленка». Так и есть, тормозной шланг лопнул. Жид-кость из бачка вытекла. Тронулся бы с места, не миновал аварии. Новый шланг у парня с собой. Архип поблагодарил птицу. Оглянулся – нет её. Сладкими чоко-паевыми крошками не заин-тересовалась.

Работы со шлангом часа на полтора. Прокачать тормоза помогла ларечница. В благо-дарность Архип скупил у неё множество шоколадок, кругленьких, оформленных под монетки в золотой фольге. Неликвидный товар. Ларечница довольна.

Зато Алина сердита.

– Где ты был?

Не мутную же историю о тормозном шланге рассказывать.

– Представляешь, Алинка, – начал Архип, – зашел я в «Олимпик» «фанту» купить, смотрю, дама на кассе странная. На плече попугай, один глаз под черной повязкой, а сдачу дала золотыми дублонами!

И высыпал на стол множество шоколадных монеток, сверкнувших золотом.

Алинка хмыкнула.

– Может, в бутылочках тогда ром, а не «фанта»?

Не очень у Архипа прокатило. Тогда парень рассказал о белом голубе, точнее, голубке, который весь день за ним летал и помог неисправность выявить. Это понравилось больше.

– Архип, – убежденно сказала Алинка, – ты видел своего ангела-хранителя. Абсолютно точно. Был рядом весь день, ничего не просил. Пытался обратить внимание на опасное состо-яние машины. Добился своего. Ты нашел... этот рваный шланг. Зачем ангелу твой чоко-пай? Когда они маленькие, их мамы кормят, а подрастут, хватает счастья того, кого охраняют.

Тут-то Архип и показал письмо из Аделаиды. Распечатанный перевод. Из него девушка поняла, друг исчезнет на целые три года. Она нахмурилась. Не любят девчата, когда друзья пропадают, тем более, на столько. У пары теперь состояние... средней веселости.

– Ты поедешь?!

Архип долго рассказывал потом, что об этом думает. До типуна язык натрудил. Многое, дескать, пока неясно, но если получится, у них в жизни все будет хорошо. Свой дом будет. Здесь и сейчас его профессия геолога никому не нужна. Перспектива всё та же – кока-колу по ларькам развозить. А в пустыне он чему-то научится. Если не обманут, вернется с деньгами, Можно будет и здесь своим делом заняться. Например, рений поискать. При успехе, дальней-шие перспективы хорошие.

И неожиданно:

– Алинка! А давай поженимся? Если из Аделаиды аванс пришлют, на свадьбу хватит! А я до Австралии и на велосипеде доберусь.

Девушка серьёзна. Не отказала, но и согласия не дала. Печальное ощущение возникло у парня – между ними холодок пробежал.

Началась почти ежедневная переписка с доктором Прамодом. Для этого следовало резко подтянуть английский. Из Аделаиды требовали заполнить подробную анкету. Интересовались не только родителями, но и дедушками с бабушками. Савва советовал не удивляться. У наших призывников, если они являются кандидатами в Кремлёвский полк, та же процедура. Генети-

ческую предрасположенность к определенному поведению никто не отменял. В Австралии, заселенной на первых порах каторжниками, это понимают.

Много времени уделял австралийскому диалекту английского. В нем немало слов, привнесенных из говоров аборигенов. Вот и название столицы «Канберра» на языке нгуннавал, одном из девяти сот местных, означает «место для собраний». Золотые лихорадки девятнадцатого века привлекли в Австралию искателей лучшей жизни разных народов. Во Вторую мировую войну здесь размещались многие тысячи американских военных. Сопровождавшие их изделия Голливуда вытесняли привычные слова из речи бывших каторжников. Местных полудиких лошадей «брамби» (brumby) американцы превратили в привычных им «бранкоу» (branco), т. е. в мустангов. Местные пастухи овец «драуверы» (drover) и коров «стокманы» (stockman) стали как один ковбоями. Могучая она, Америка, всех переplавит.

Или вот. Девушки и дамы постарше предпочитают язык «стандартный» и «изысканный». Это десятая часть населения. Большинство народа любит «небрежный» стиль. Примерчик? Продавец, отвечая на вопрос о стоимости при расчете за бургер, может сказать:

– Аттлеби айтнайни (Attlebee aitninee).

Догадаешься ли, что на нормальном английском это «That'll be eight ninety» («С вас 8 оззи и 90 центов»)? Местные австралийский доллар зовут «оззи» (aussie)...

Непонятно, трудно, захватывающе. Голова у Архипа небольшая, ёмкая. Всё впитывает. Есть ли в Австралии соотечественники? А как же! Еще Миклухо-Маклай хотел организовать массовый переезд русских крестьян на континент. Не получилось. Однако позже состоялись пять волн русской эмиграции. Бежали от войн и революций. Из освобожденной нами Европы туда стремились те, кого встреча с Красной Армией не радовала. В перестройку тоже бежали, конечно. К кенгуру. За лучшей жизнью. Людей с русскими корнями в итоге накопилось в Австралии шестьдесят семь тысяч.

Пожелания Аделаиды последовательны, серьезны. Для заключения контракта австралийцам много чего нужно. Например, сертификат о состоянии здоровья, оформленный по международному стандарту. С освидетельствованием на СПИД. С этим в Городе большая проблема. Одноразовых шприцев, и тех не хватало. Его Районное Величество Фантомас с подачи Кирилла помог. Одна из копий сертификата ушла доктору Промоду. Вторую Архип оставил себе. Про запас. По совету Саввы и в народном стиле. Потребовалось предъявить водительские права международного образца. Архип было попробовал их оформить, да, как водится, наткнулся на сложности в ГАИ. Очереди огромные, жаждущих толпы. Бланков мало. Плюс, что с ними делать, не понятно. И вновь Фантомас не подкачал. «Permis de conduire» международного типа нашему пареню на дом привезла полицейская машина. Вы всё ещё плохо относитесь к институту «крышевания»? Увы вам тогда. Попробуйте в три ночи занять очередь к мастерам свистка и жезла и по пути на гоп-стоп не попасть.

Наконец, оформленный контракт из Аделаиды пришел. В нем все как согласовали. Три года работы. Окончательный расчет в последний месяц. Пришел аванс. Три тысячи долларов. На билеты и экипировку. Немыслимая для девятилетних годов сумма. Доктор Промод рекомендовал (но не настаивал) лететь через Лондон. Потому, что проще. Из Хитроу есть прямые рейсы до Аделаиды с несколькими посадками. В пути около суток. Архип прикинул, это, может, и проще, но до Лондона от Москвы еще нужно добраться. Две с половиной тысячи километров в противоположную от Австралии сторону. От Москвы же до Аделаиды меньше четырнадцати тысяч верст. Другое дело, что прямых рейсов из России в Аделаиду и вообще в Австралию нет. Нужно добираться с пересадкой до Сиднея. Оттуда до Аделаиды по прямой тысяча двести верст. Как утверждают рекламные проспекты, этот путь на велосипеде можно проехать за шестьдесят девять часов, потратив триста семьдесят тысяч калорий. Собака пробежит расстояние за шесть дней. Человек пешком прошлепает дней за десять. В последнем

случае рекламщики загнули. В день ножками по сто двадцать километров? Кенгуру, может, смогло бы.

Авиакомпаний на маршруте несколько. Самые дешёвые билеты у китайских Чайна Саузерн Эйрлайнс и Эйр Чайна. Другое дело, везут они людей неспешно. Пересадки в Гуанчжоу или Пекине. Ожидание стыковок до восемнадцати часов. Арабские «Катар Эйруэйс» и «Этихад» пошустрей. Пересадку в Дохе или Абу-Даби обеспечивают за два-три часа. Недурно, да билеты дорогущие.

Времени Архипу, конечно, жаль, только в его положении «китайцы» привлекательней. Девятьсот зеленых, и он будет в Сиднее. До начала его контракта ещё сорок пять дней. Самое время приобретать билеты, особенно «эконом-класса со скидкой». Сделано! Билет есть.

Летит он в Австралию поздней осенью. В Южном полушарии лето только начнётся. Значит, шортики нужны. Готовился скрупулёзно. Больше половины присланных денег отнес в сбербанк на валютный счет матери. В месяц она будет снимать себе на жизнь по пятьдесят долларов. Продержаться можно. После смерти отчима мама сильно сдала. Неясно, сможет ли работать.

Алинка? Должна понимать, какая у него спешка. Как сложно с его никакими знаниями по уши входить в геологию Центральной Австралии. Барбосом с совсем пустой головой явиться перед иноземными коллегами неудобно. До женщин такое, по Алинке видно, доходит непросто. Прощальный свой подарок придумал необычный. Купил на остатки австралийских денег щеночка хаски. Дорогущая собачка, но красавица. Глаза голубые, вся белая, только на голове немного черного. Привитая от всех хворей, с хорошей родословной. Кличку придумал: Зорро. Загадочный киногерой, загадочное собачье существо. Кто знает, что из кобелька вырастет. Укомплектовал подарок специальным, для щенят хаски, кормом «Фѐст Чойс». Состав! Многие люди, полагаю, не против отведают: мука из ягненка и сельди, сушёная мякоть томата и свеклы, коричневый рис... Много чего. Большая коробка. Надолго хватит.

Алинка польщена. Рада. Да и кто не улыбнётся, глядя, как маленькая прекрасная животиночка бредёт к полной кормушке, покачиваясь от непобежденной пока младенческой слабости.

– Вот! Без меня будет, кого погладить.

Алинка очень ласковая.

Савва прощался с Архипом на кафедре. Попили чайку.

– У тебя, Архип, все задатки исследователя. И ты летишь в края, про которые мало кто знает. Не только в России. У каждого края на Земле свой дух. Попробуй понять пустыню Симпсон. Её дух. Расскажи о ней людям. Ты вернешься мудрым, Архип. Мы тебя будем ждать.

Архип кивнул.

– И вот еще. Не отказывайся там от своей России. От того, кто ты и что ты наш. От небогатого родного Города. Не очень счастливого университета. Те, кто делают иначе, чтобы у чужих стать своими, счастливыми не становятся. И своими тоже

Это Архипу понятно.

На вокзале в Австралию его провожали Кирилл и Алинка с Зорро на руках. Долгие прощания – лишние слёзы. Прощальную встречу Архип приурочил к самому отправлению московского поезда. Последним на вокзал подъехал Кирилл, представил друзьям свою новенькую «Субару Легаси».

– Ну чѐ, – спросил, – как драндулет? Двадцать тысяч баксов!

– Красавец! – восхитился Архип.

Забрались вместе с Зорро и Алинкой в салон. Подышали волшебным запахом новой хорошей кожи, качественных автомобильных жидкостей. Мужские духи так не пахнут.

Архипу понравился логотип «Субару»: шесть звезд, вписанных в голубой овал.

– Не Южный Крест?

Кирилл пожал плечами. На хрена ему о том знать? На ученых дураках теперь воду возят. Он не дурак. Ему не надо забивать голову ненужной ерундой.

Потом Архип сам узнал, что на логотипе не Южный Крест. Так выглядит звездное скопление М45, что в созвездии Тельца. Оно и есть по-японски «Субару». Самая крупная звезда – Альдебаран, одна из ярчайших. Почему звезд шесть? Так получилось. Шесть автокомпаний объединились в 1953 году. Самая крупная из них «Фуджи Хэви Индастрис» (Fuji Heavy Industries) и назначила себя «Альдебараном».

Время вышло. Нужно прощаться. Когда поезд тронулся, Алинка и Кирилл пробежались немного по перрону рядом с окном друга. Махали руками. Даже Зоррик на руках у Алинки, почувствовав общее волнение, тявкнул. Последнее, что увидел Архип в родном Городе, был белый голубок на ветке привокзальной липы. Он, казалось, напряженно наблюдал за набирающим ход поездом, потом пролетел немного рядом с вагоном Архипа и отстал. Не умеют ангелы-хранители лететь быстрее состава, что несся в Москву со скоростью два километра в минуту.

– Ну что, Алин, – спросил Кирилл, когда вышел с девушкой на привокзальную площадь, – корешок наш исчез? Не забывай, позванивай. Что надо, по мобиле перетрём. Слово пацана немало значит.

Прищурился, оценивающе осмотрел девушку, словно её никогда до сего времени не видел. И, играя ключами:

– Подбросить до дома?

– Спасибо, – нахмурилась та. – Мы с Зорриком ещё погуляем.

«Субару» взвизгнул стартером. Умчался.

Глава 4. Синие-пресиние раки Ябби

О, ночной международный аэропорт Шереметьево девяностых годов! Еле освещенные залы. Встречающие и пассажиры вповалку на грязноватых каменных полах. Головы на сумках, пакетах, а то и просто на кулаках. Сквознячок над полом. Холодно. Снаружи немилостивая московская зима. Архип ждет объявления рейса на Гуанчжоу. Кушать хочется, но пока терпит. Надеется, в самолете что-то дадут. С собой у него есть кусочек свиного сала от Алинкиной мамы. Неприкосновенный запас. Тогда еще не преследовали за прихваченные в дорогу продукты питания. В запасе у парня складной ножик керамический (сквозь металлоискатель пройдет), чашка, ложка из пластика. Пластиковая зажигалка «Zippo» вместо спичек. Надѐжная. Не промокнет в ливень. Автономность в любой ситуации обеспечена.

Буфет работал. Цены не для него. Архип пожевал кусочек сала, запил в туалете водой.

Самолет «Чайна Саузерн Эйрлайнс», наконец, унес Архипа в небо. Подъем крутой, мощный. Парня ощутимо вдавило в кресло старого «Боинга». Ничего не скажешь, хороши двигатели «Прагт энд Уитни».

Часа через два по громкой связи попросили подготовиться к завтраку. Архип того только и ждал, откинул столик. Стюардессы-китаянки изящно протискивались с подносами по проходу мимо. Им нужно сначала накормить бизнес-класс, на две трети пустой. Потом настала пора «экономов». Тех большинство. Еда на подносах уже не столь обильная. Бутылочек с алкоголем нет. Вот и с ними китаянки разобрались. Столик перед Архипом по-прежнему пуст. И он хочет есть. Только теперь стал доходить его статус: «эконом со скидкой». Пустой столик, вот тебе скидка. Завтрак, следовательно, он ещё в Городе монетизировал.

Но и стюардессы—китаяночки не без глаз. Оценили грусть русского паренька над пустым откидным столиком. Пошушукались, пересмеялись за занавеской, иногда посматривая на него. И вот одна девушка выпорхнула, водрузила перед Архипом полный поднос. Почти половина курицы. Соевый соус. Три пампушки. Горячий чайничек.

Архип приложил руку к сердцу.

– Се-се!

По-китайски, кажется, спасибо? Повторил:

– Се-се, тай зан ле!

Девчонки прыснули. Архип смутился. Не наговорить бы чёрт те чего, когда языка не знаешь.

Через полчаса одна, сдерживая улыбку, подошла за подносом. Архип даже костей от курицы не оставил. Сказала с улыбкой:

– ###

Прозвучало, вроде бы, как «бу синкю». Видимо, «пожалуйста».

До Гуанчжоу от Москвы лететь семь тысяч километров. Девять часов. Из кармашка перед Архипом торчала пачка газет и буклетов. На английском и китайском. Китайского Архип не знал, в английском не грех потренироваться. Извлек наугад книженцию. Китайская перепечатка статейки ВВС: «Отчего в полете пассажиры склонны к метеоризму». Очередное открытие любознательных британских ученых. Прочитал. Объяснение простое. Эффект имеет место из-за разности давления в нашем организме и замкнутом пространстве авиалайнера. Архип прислушался к себе. Никаких позывов. Ерунда. Может, такое характерно для богачей из бизнес-класса? Бросил буклет. Заснул.

Девчонки его растолкали, когда самолет уже сел. Даже сакральное «Fasten your belts!» пропустил. Народ спускался по трапам.

Аэропорт Старый Байюнь («Белое облако») в Гуанчжоу, куда прилетел наш паренек, доживал последние годы. Вскоре его должен был сменить новый красавец в десятках кило-

метрах от города. Со станцией метро. Громадный. Зато «старичок» до 2004 года оставался в городской черте. Архипа такое устраивало. И шестисотметровой городской телебашни ещё нет, только проектировалась. Строительство начнут лет через пять.

Достопримечательностями наш путник решил пренебречь, быть бы живу. Не отправился к храму Пяти духов, построенному в честь основателей города. Когда-то те спустились с неба на пяти козлах. Каждое животное держало во рту стебелек риса. Их духи подарили людям. Не суждено было Архипу увидеть и храм Шести баньяновых деревьев, он же Лиуронг. Баньяны – деревья могучие, многоствольные. Каждое словно лес, но, на самом деле, имеют под землей общие корни. Рядом с храмом находится «Пагода цветов». Вход пять юаней, чуть больше полдоллара. Съездить бы, поклониться, но и эти маленькие центы Архипу нужны. Кто знает, как еще сложится путь от Сиднея до Аделаиды.

Кушать хочется. У молодых такое всегда на уме. Архип доел свое сало. На площади перед аэропортом ряды искусителей. Вспыхивали длинные, по полметра, огненные языки под сковородами. Свинину здесь принято жарить на сильном огне.

Кантонская кухня! Из Гуанчжоу (Кантона) когда-то выпорхнула в мир копченая в маринаде утка по-пекински. Тыквенный суп парит. Разлит по тыквочкам. Пельмени – с креветками и устрицами. А вот то, чего даже проголодавшемуся Архипу не надо – «рагу из дикой кошки и змеи». Не пойдет и «пряное тушеное мясо дикой собаки». Дикие звери, не бродячие? Откуда только берутся в городе на Жемчужной реке Джуцзян с шестнадцатью миллионами населения.

Неплохая штука – жареная поросятина с яблоками и мёдом. А что такое суп «Прыгающий Будда» (Фо Тяо Циань, fo tiao qiang)? Рядом с дымящейся кастрюлей конкурирующий перевод на английский: «Будда прыгает через стену». Архип прочел состав. Акульки плавники и губы. Перепелиные яйца. Сухожилия разных животных. Рыбы потроха. Женьшень. Ростки бамбука. Какая-то калоказия, она же таро. Варено сильно отдавало пряностями. Готовится три дня. Запредельно дорогое. Да, с таким составом и ценой перемахнет через стену не только Будда.

Наконец, что-то по цене и для него. Архип купил пять пирожков с редисом и пластиковый заварничек с зеленым чаем. Не «Прыгающий Будда», конечно. И не очень вкусно. Но хотя бы что-то горячее, желудок наполнить. Совет тут вам от Архипа такой: если вы дома ни разу не пекли пирожки с редисом, то, скорее всего, правильно поступали. И впредь не пеките.

К началу посадки на рейс в Сидней, Архип уже исписал два листа бумаги китайскими иероглифами, Чтобы время не пропало, их он срисовал с плакатов и объявлений, повсеместно сопровождаемых английским переводом. Часа за четыре трудов смог, не подглядывая, написать упрощенными иероглифами слово «Россия»: ###. Звучит как «Элосы». С более сложным «традиционным» письмом не получилось. Больно хитро: ###. Решил продолжить освоение всех трех иероглифов в самолёте.

Для перелета в Сидней подали «Эрбас». Лететь двенадцать часов. Семь с половиной тысяч километров. «Эконом со скидкой» опять в хвосте. Желаящих попасть в Австралию немного. Большинство тех, кто следовал с Архипом из Москвы, остались в Гуанчжоу. Соседей в ряду нет. Архип разложил на откидном столике свои бумажки. Принялся перерисовывать иероглифы карандашом. Стюардессы в самолете не те, что летели до Гуанчжоу, но тоже наблюдательные. Когда проносились по проходу, неизменно поглядывали на его рукоделье. Когда задремавший в полете Архип приоткрыл глаза, он увидел стоявшую на столике баночку с тушью и кисточку. Иероглифы «Элосы» были выписаны крупно и красиво посередине листа. Вскоре Архип понял, кто из девушек это сделал. Когда пришло время обеда, стюардесса поставила перед пассажиром «эконом-класса со скидкой» полный поднос еды. Спросила по-английски, нужна ли ему еще тушь. Архип ответил, что нужна, если ему покажут как с ней работать. И как ее зовут. Девушку звали Ланфен («Аромат орхидеи, милый душе и сердцу»). Она может показать, как строятся иероглифы.

Архип внимал, переставив поднос с обедом на соседний откидной столик. Ланфен села рядом. Объясняла. Показывала. Основное в китайской каллиграфии – научиться правильно писать «черты» иероглифов, по-английски, «dashes». Архипу нужно начать с освоения этих чёрточек. Потом, когда получится, приступить к «блокам черточек». К самим иероглифам ещё рано. Лишь когда и это освоит, сможет пойти дальше. Архип аккуратен. Сейчас он воспитанник младшей группы китайского детсада. Там такое осваивают с трех лет. Спасибо, Орхидея, за науку! И за еду.

В общем, запомним, читатель, вместе: wǒ shì èlúóbsī gēn (я из России). Да, не забудьте, озвучивая фразу, использовать для первых двух гласных второй тон, а для третьей – первый.

Вот ведь! Летит в неизвестность русский паренёк, чёрт те куда, а ничего пока получается, китаянки-стюардессы двух бортов подтвердят. Не понять людям в возрасте, что у молодых в предпочтениях. Архип небольшой, худенький. Неказистый. Нос острый. Глаза небольшие, какого цвета не поймешь. Ресницы, правда, хороши: длинные, кверху чуть подкрученные. И все равно, не красавец. Рельефных мышц нет. Денег нет. Может, в «руке Бога» дело?

Самолет уже несколько часов над Австралией. Глиссада над пригородами Сиднея. В окне весь город. Архип опознал раскрытые раковины Оперного театра, великого создания датчанина Йорна Утзона, мост Харбор через залив. Бесконечные пляжи. На горизонте курчавились зеленью хребты Австралийских Альп.

«Fasten Your Belts!» Зажглось, замигало табло. «Эрбас» нёсся по посадочной полосе аэропорта имени Кингсфорда Смита в Маскоте. Полвека назад его открыла сама Елизавета-II. В день аэропорт принимает сто тысяч человек. Столпотворения нет. До небоскребов Центрального делового района тринадцать километров. Они, как на ладони.

Уходя, Архип поцеловал руку Ланфен, чем вызвал всплеск веселья у остальных девочек. Отчего стюардессы пересмеивались, поглядывая на «Орхидею», осталось загадкой.

Парню до Аделаиды добираться 1400 верст. Он изучил объявления на привокзальной площади. Автобусы туда ходят. Время в пути восемнадцать часов. Стоимость билета почти двести оззи (сто пятьдесят долларов США). Для Архипа за пределами. Путь туда, однако, он изучил еще в Городе и теперь знал, что добираться придется сначала до городка Батерст. Первый крупный пункт в сторону Аделаиды, который никак не миновать. Следовало подумать о провизии с собой. У аэропорта, ожидаемо, масса кофешек. В каждой соблазны. Не отведают ли вам ароматной страусятины? Нет? Тогда, может, мяса крокодила? Не подходит? Вы правы, налегайте на морскую кухню.

Плакаты в один голос напоминали, какие чудные вина производят в штате Новый Южный Уэльс. Архип заглянул в несколько пивнушек. Подивился привычкам посетителей. За всеми столиками те выдавливали в разрезанные булки что-то из цветных тюбиков. Странная закуска к пиву. Что там могло быть? Горчица? Архип нашел название в прайс-листе: «Веджимайт» (Vegemite). Состав не указан. Стоимость для него значительная. Парень купил несколько булок и готов двигаться дальше. Проходя мимо использованных подносов, с чувством великого стыда прихватил несколько не до конца опустевших «веджимайтов». Все одно, в мусорку пойдут. Вроде бы, остался незамеченным. Не учел, у людей хорошо развито периферическое зрение. Уже на улице его окликнули. В дверях пивнушки стояла пожилая женщина. Протянула Архипу три полных упаковки «Веджимайта». Смутившийся Архип принял дар с поклоном, приложив руку к сердцу. Женщина без слов развернулась, ушла.

Да, не очень приятна роль стыдливой попрошайки. Впрочем, подумал Архип, он ни у кого ничего до сих пор не просил. Просто была мысль, ... обедами полакомиться. В познавательном отношении. Что делать, сложная у него дорожная ситуация. И путь далёк.

Жизнь вокруг тем временем бушевала. Пассажиры по прилёту загружались в арендованные загодя автомобили, уносились в Сидней. Архип удивлен, какие австралийцы и австралийки высоченные. Крупные. По виду, здоровые. Питание и климат, конечно, влияют.

На сегодня его цель по пути к Аделаиде – городок Батерст. Двести километров от аэропорта на запад. Нужно только найти правильный хайвэй, чтобы не уехать по ошибке в Канберру или Мельбурн, и проголосовать. Расспрашивать не стал, проследил, куда от вокзала поворачивают автобусы с указателями над стеклом: «Уогга-Уогга», «Хей», «Милдьюра». Ему туда.

Левостороннее движение! К нему чужаку непросто привыкнуть. С его правосторонними обычаями непривычно, даже страшновато, видеть как по встрече в нашем представлении несѐтся плотная автомобильная орава. Что сразу бросилось в глаза – нет легковушек только с водителем. Все автомобили полны людей. Рационально. У нас не так.

Архип поджидал жертву. В руках бумажка, где крупно написано: «BUTHURST». Простоял недолго. Со спины громкое сопение, фырканье, визг тормозов. У обочины застыл гигант «Фредлайнер Сенчури Класс 112», капотный многоосный тягач. На открытой платформе что-то крупное, может, газовая турбина. Рыжий молодой водитель смотрел на парня в окно. Улыбался. Ничего, хорошее начало.

Кабина «Фредлайнера» изнутри огромна. Музыка гремит. Щетина на бронзовых щеках водителя отдаѐт красным. Небось, ирландских кровей? Везет трансформатор и газовую турбину в Катумбо. Недалеко, верст восемьдесят. Электростанция сгорела. Природный пожар. Эти мерзавцы эвкалипты сами себя сжигают, пироманы чертовы.

«Фредлайнер» рыкнул, засвистел, шевелением чудовищного капота раздвинул легковушную мелюзгу и лег на курс. Мягко пошел, не качнул. Все по девизу завода-производителя, что в Портленде, штат Орегон: «Едем по-умному» (Run smart).

Голубые горы вокруг, мир этих самых эвкалиптов. Серо-голубые, знайте, они не от летнего неба, ярко-синего и безоблачного, от испарений эфира, что голубоватым языкастым покровом, а то и сплошным маревом трепещет над лесной чащей. Случайная молния, костер бродяги и – лес запыхал. Пожар эвкалипты-эгоисты с жадностью взыскиют, как алкаголик похмелья. Огонь уничтожит вредителей, растения-конкуренты. Удобрит почву. Эгоистам-то что, они потом восстановятся. Их лес станет краше. А каково малоподвижным коалам? Жалко зверюшек, но ничего. Другие приползут вместо сгоревших, заселят помолодевший лес.

Хорош Великий Западный хайвэй. Широкие мосты через каньоны. Скальные борта расчерчены в горизонтальную полоску пластинами коричневых и желтых сланцев. Где-то тут высокие каменные столбы «Три Сестры», смотровая площадка «Точка Эха». Туристы их обожают.

«Фредлайнеру» поворачивать на Катумбо. Архипу – прямо. На повороте хорошая скамейка. На Западе прекрасный обычай посвящать скамейки любимым, которых уже нет. Уставший путник присядет, добрым словом помянет ушедшего. Эта скамейка, судя по табличке, посвящена сэру Дональду Джорджу Брэдмену. Раз «сэр», выходит, «рыцарь». Кто такой?

Архип расположился удобней, достал булку и тубик «веджимайта». Пришла пора понять, что это за еда. Густая темно-коричневая паста пахла хорошо. Выдавил в разрез булки побольше. Попробовал. Не вкусно! По ощущению, очень крепкий говяжий бульон, пересоленный, горький, с привкусом дрожжей. Что делать, придется привыкать. Да, еда не очень. Прочитал состав. Пивное сусло, какие-то добавки... Восемь витаминов ряда В. Без них, якобы, организму трудно перерабатывать белки, жиры, углеводы, а иммунитет стремится к нулю. Будь у Архипа эти самые жиры с белками, он бы их как-нибудь переработал. Но их нет.

Архип недолго простоял у скамейки с бумажкой «Батерст». Прямо напротив него затормозил огромный черный «Cadillac Escalade». За рулем немолодой пожилой мужчина с красным лицом, совершенно лысый. Крутанул головой, указывая на место рядом. Наш парень схватил рюкзачок, бежал машину вокруг. Запах внутри странный. Бальзамический. Архип огляделся. Позади узкие скамеечки по обеим сторонам. Посредине – возвышение. Стало доходить: катафалк! Рационально используемый. Картонные ящики доверху. На всех – рождественские наклейки. Действительно, Рождество довольно скоро.

Машина шла до городка Кутамундра. Это за Батерстом. Для Архипа подходяще. Водитель напевал хрипловато, ритмично.

– Ты кто? – вдруг спросил. – Что делаешь в Новом Южном Уэльсе?

– Из России я. Договор заключил на работу.

Толстяк оглянулся.

– Из России? У вас, говорят, все плохо.

Архип вздохнул. Что тут скажешь...

– В Кутамундре живете? – спросил, чтобы поддержать разговор.

– Именно.

Водитель был пастором англиканской церкви. Населения в городке шесть тысяч. В основном, католики. Протестантов-англикан меньше трети. Приходится крутиться. Похоронному бюро помогать. Дела неважные. Народ в Кутамундре крепкий, трудовой. Умирают редко. Сейчас по заданию англиканской общины везёт рождественские подарки детям. Решили не нанимать трак, раз катафалк простаивает.

Архип согласен. Машина должна двигаться. А то, что покойников нет, это прекрасно.

– Знаешь мелодию?

Священник искусно изобразил саксофон. Душевно так, в стиле «кантри». Архип поддержал, стал покачиваться в такт. Мелодию, признался, слышал впервые.

– «Акации Кутумундры» (Cootamundra Wattle). Всемирно известные автор и исполнитель Джон Уильямсон!

Подумал. Глянул на Архипа оценивающе.

– Ты с какого года?

– С семьдесят шестого.

Пастор поник.

– Ну, да, Ты родился только через десять лет. Откуда в России ты мог знать тогда нашего Уильямсона... «Акации» появились в шестьдесят шестом.

Катафалк резво нёсся по сухой волнистой равнине. Голубые горы с эвкалиптами далеко позади. Вокруг распаханная степь с молодыми всходами. Пшеница, небось? Лесополосы из акаций-ваттлов. Бассейн Мюррея, житница континента. По площади как две Украины.

– Кутамундра! – вещал водитель, – Столица австралийского, да что австралийского – мирового крикета! В России любят крикет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.